

INSPIRIA

РЕБЕККА
КАРВАЛЬО

С и Союз Сахар

для поклонников фильма
«Маленькая
Италия»

INSPIRIA

Сурсаке. Счастливый магазинчик

Ребекка Карвальо

Соль и сахар

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Карвальо Р.

Соль и сахар / Р. Карвальо — «Эксмо», 2022 — (Сурсаке.
Счастливым магазинчик)

ISBN 978-5-04-193126-1

«Не доверяй ни сковородкам с тонким дном, ни семье Молина». Лари Рамирес впитала эту истину с молоком матери. В маленьком бразильском городке Олинда их семейная пекарня «Соль» воюет с соседним «Сахаром» уже несколько поколений. Однако жизнь Лари меняется, когда умирает ее любимая бабушка, хранительница семейных рецептов. Вдобавок расширяющаяся сеть гипермаркетов грозит обанкротить их семейный бизнес. Лари хочет любой ценой спасти свой дом, поэтому совершает немислимое – объединяется со своим злейшим врагом, Педро Молина. Лари открывает новые стороны Педро, о существовании которых и не подозревала, и даже немного проникается к нему симпатией. Но может ли истинная Рамирес по-настоящему доверять Молина? «В этом романе есть все ингредиенты для невероятной истории любви: вражда двух семей, атмосферные декорации Бразилии, потрясающие описания еды и современные Ромео и Джульетта!» – Эшли Шумахер

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-193126-1

© Карвальо Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	6
2	11
3	13
4	16
5	20
6	24
7	26
8	28
9	30
10	34
11	37
12	41
13	44
14	48
15	51
16	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ребекка Карвальо

Соль и сахар

© Рябцун М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

Rebecca Carvalho

SALT AND SUGAR

Copyright © Rebecca Carvalho, 2022

First published by Inkyard Press Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Всем, кто задается вопросом, следовать ли им за своей мечтой

Моей маме, которая первая побудила меня следовать за моей мечтой

И Майклу, который никогда не позволял мне сдаться

1

ПЯТНИЦА, 22 АПРЕЛЯ

Бабушка Джульетта Рамирес всегда говорила: не доверяй ни сковородкам с тонким дном, ни семье Молина.

Я смотрю, как сгущающаяся тьма окутывает пекарню моей семьи. В этот странный, неопределенный час перед тем, как уличные фонари озарят холмы Олинды¹, наша вывеска «Соль», написанная рукой прабабушки Элизы, растворяется в сумерках.

Я не могу заставить себя зайти внутрь. Пока не могу. В пекарне тихо, как будто ее убаюкал сильный бриз, дующий с океана. И поэтому я выжидаю еще минутку. И еще одну. Я жду момента, когда «Соль» внезапно – я не знаю – зевнет, что ли.

– Просыпайся, – шепчу я себе под нос.

Но «Соль» не вздрогнет и не проснется только потому, что я на нее смотрю. «Соль» угасает, в то время как пекарня семьи Молина сияет на ее фоне. Они называют ее «Сахаром», но пусть вас не вводит в заблуждение название. Это своего рода ядовитая сладость, которая ощущается в некоторых отравках.

Когда все соседи в знак траура закрыли свои магазины, Молина держали двери «Сахара» широко открытыми, как оскорбление. От радостного мерцания огней на их фасаде у меня скручивает желудок.

Не то чтобы я ожидала, что сеу² Ромарио Молина, который всю свою жизнь был бабушкиным врагом, пошлет на кладбище хотя бы увядший веночек, но *как они смеют* так эффектно выглядеть сегодняшним вечером? Мне хочется перейти улицу и наорать на них, но меня останавливают осветившие улицу фары принадлежащей «Соли» фускиньи³. Мама возвращается домой, и она, должно быть, беспокоится обо мне. Я сбежала с кладбища, не предупредив ее.

Мама выходит из солнечно-желтой машины того же цвета, что и фасад «Соли», но вместо того чтобы воспользоваться боковой дверью, ведущей в нашу квартиру, спешит прямо ко входу в пекарню, не замечая меня.

Когда месяц назад бабушку положили в больницу, маме пришлось закрыть двери, так что «Соль» как будто ждала, что бабушка вернется домой. Но как мы можем снова открыться без нее? Без бабушки нет «Соли».

Мама не решается отпереть дверь.

Поднимается ветер, треплет ее волосы и обрушивает косую морось. Разноцветные, как радуга, трепещущие флаги, которые мои соседи уже приготовили к празднику Дня святого Иоанна⁴ через два месяца, щелкают на веревках над нашими головами.

Пока мама не посмотрела на меня, я и не осознавала, что сделала неуверенный шаг вперед. И я вижу в ее глазах боль.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но не знаю, что сказать. Не говоря ни слова, мама поворачивает ключ и входит в «Соль», сразу же находит свой фартук, просто протянув руку в полумрак, скрывающий колышки на стене. Мышечная память. Только тогда мама включает свет. И пекарня просыпается.

¹ Олинда – небольшой город на побережье Атлантического океана, входит в штат Пернамбуку, Бразилия. Основан в XVI веке португальцами, считается одним из первых поселений колонизаторов Бразилии.

² Сеу (*portug. seu*) – принятое в Бразилии уважительное обращение к мужчинам из среднего сословия: торговцам, владельцам семейных магазинов.

³ Фускинья – имеется в виду распространенный в Бразилии автомобиль «Фольксваген»-«жук» («Фольксваген Фуска»).

⁴ День святого Иоанна – Феста Жунина (Июньский фестиваль) или Феста де Сан-Жуао (праздник Святого Иоанна) – латиноамериканский аналог праздника Ивана Купалы, знаменующий наступление зимы в Бразилии. Торжества в честь Иоанна Крестителя проходят по всей стране, начиная со Дня святого Антония (13 июня) и до Дня святого Петра (29 июня).

Я тоже делаю свой первый шаг в «Соли». Мой первый шаг в пекарне без бабушки.

И видеть все то, что уже успело измениться без бабушкиной заботы, *больно*. Все кажется таким скучным. Деревянные поверхности не покрыты блестящим маслом перобы⁵, которое любила использовать бабушка и которое придавало выпечке тонкий древесный аромат. Тишина, не нарушаемая бабушкиной болтовней с соседями, давит. Даже все ингредиенты для бабушкиного волшебства исчезли: стеклянные банки, которые должны быть наполнены различными продуктами – тапиокой, пшеницей, кукурузой, рисом, – стоят пустые. Как и витрина под главным прилавком.

Мое сердце делает болезненный кульбит, но я сдерживаю слезы.

Не хочу, чтобы мама видела.

Она подходит и встает перед рецептом боло де фуба⁶ прабабушки Элизы, как будто откликается на призыв. Мы храним листок бумаги с ингредиентами и инструкциями сложным и защищенным в стеклянной коробке на стене, как будто это бьющееся сердце самой «Соли».

Мне кажется, что мои ноги тяжелее, чем обычно, но я подхожу и встаю рядом с мамой.

Я не знаю, что сказать или сделать, чтобы утешить ее.

Она закрывает глаза. Молится? Я тоже закрываю глаза и мысленным взором пытаюсь оживить «Соль».

Я представляю, как снаружи покупатели прижимаются лицами к витрине, чтобы посмотреть на киби⁷, паштеты и болиньос⁸ с треской. Слушаю нашу старенькую стереосистему, издающую статическое потрескивание вперемежку с песнями форро⁹, наполненными меланхолическими звуками аккордеона. Пытаюсь ощутить острый аромат фарша, тушащегося в глиняном горшочке, готового превратиться в начинку для коксиньи¹⁰. И все, что я нахожу, это... ничего. Лишь ощущение, что ты чужая в собственном доме, и от этого кружится голова, становится больно и очень, очень одиноко.

– Сегодня вечером мы снова открываемся, – объявляет мама. – Твоя бабушка, пока могла, работала каждый день.

Она все так же смотрит на рецепт.

– Я думаю, тебе нужно отдохнуть, – говорю я.

Я все мечтала и мечтала о том дне, когда мы снова откроемся. Но мама не спала целую вечность, и за последний месяц темные круги у нее под глазами стали глубже.

– Я тебя повсюду искала, – наконец говорит она, имея в виду мое исчезновение. – На церемонии.

У нее чуть хриловатый голос, и в нем столько разочарования, что чувство вины пронзает мою грудь, словно ножом.

Я должна извиниться, и я *хочу* извиниться, но как мне сказать ей, что увидеть бабушку в гробу было больше всего на свете? Что я с трудом узнала человека, которого любила – *люблю* – больше всего? Мой мозг продолжал твердить: да, это она. Она уютно устроилась на ложе в окружении подсолнухов, так что это она. Это ее любимые цветы, так что это – она. Но мое сердце продолжало кричать: *это не бабушка. Это не может быть бабушка*. И прежде чем я

⁵ Масло перобы – известная марка масла для деревянной мебели, чтобы сделать ее более блестящей и красивой.

⁶ Боло де фуба (*португ.* bolo de fubá) – один из самых известных пирогов бразильской кухни, бисквитный кукурузный пирог.

⁷ Киби (*португ.* quibe) – бразильский вариант фрикаделек.

⁸ Болиньос (*португ.* bolinhos) – жареные картофельные шарики с начинкой из мяса, рыбы или сыра, популярная бразильская закуска.

⁹ Форро (*португ.* fôro) – бразильская народная танцевальная музыка, а также музыкальный жанр.

¹⁰ Коксинья (*португ.* coxinha) – народное бразильское блюдо из курицы: обжаренное в масле тесто на курином бульоне с начинкой из куриного фарша, иногда – с добавлением сыра.

осознала это, я ушла. Просто развернулась и ушла. Вышла за ворота кладбища и продолжила путь, запрыгнув в первый же идущий в сторону дома автобус.

Как мне сказать ей это?

Я не могу.

Так что между нами просто... тишина.

Мама больше не спрашивает. Она поворачивается и направляется на кухню, оставляя меня одну в пекарне.

Мне хочется взбежать наверх и запереться в своей спальне. Мне нужно переодеться в черное. Я поехала на кладбище прямо из школы, и у меня не было времени переодеться. Футболка в красно-белую полоску и спортивные штаны кажутся неправильными. Слишком жизнерадостными.

Но, если честно, если я уйду, то вниз уже не спущусь. Хватит с меня побегов на сегодня.

Вместо этого я беру со стойки табуретки и расставляю их, чтобы отвлечься. Когда я заканчиваю подготавливать «Соль» для покупателей, мама уже всю орудует на кухне.

До меня доносятся первые нотки запаха карамелизированного лука, обжаренного с чесноком и молотым тмином. В любой другой день они были бы просто божественны. Но сегодня вечером они приносят только еще больше душевной боли. Колокольчики над дверью «Соли» звенят, пугая меня. Я поворачиваюсь и вижу, как внутрь просовывают головы соседи. Всего на мгновение мне удается вообразить, что их привлек запах бабушкиной стирки. В любую минуту из кухни выйдет бабушка и поприветствует их, и весь этот день – *весь год* – обернется просто чертовым страшным сном.

Но у соседей скорбные лица, и они выражают соболезнования. Как бы я ни старалась, я не знаю, что говорить в ответ. Я чувствую, как меня тянут во все стороны, мои нервы на пределе, и тут из кухни выходит мама и спасает меня.

– Иди садись. Ужин скоро будет готов, – шепчет она мне. Она собрала волосы в тугий пучок – ее стиль «готова к работе».

Мама пожимает руки, раскрывает объятия и говорит ободряющие слова. Больно видеть, как люди загипнотизированы ею, как будто ищут глаза бабушки, когда смотрят ей в глаза, проверяя, того ли они карего оттенка. Приходят и самые близкие бабушкины друзья. Донья Клара. Сеу Флориано. При виде распахнутых дверей «Соли» они раздражаются слезами, и мама тут же принимается их утешать.

Я беспокоюсь, что это слишком тяжело для нее. Но я словно парализована. Я не знаю, как быть рядом с кем-то, когда сама чувствую себя брошенной на произвол судьбы. Собрание в «Соли» превращается в поминки, люди делятся историями и счастливыми воспоминаниями, например, когда бабушка залезла на дерево, чтобы снять воздушного змея, и сама там застряла. Некоторые просто серьезно слушают, медленно потягивая *café com leite*¹¹, потому что иногда, когда слишком трудно говорить, проще просто есть и пить.

Через некоторое время по кругу разносят тарелки с масляным кускусом, вяленой говядиной с карамелизированным луком и уложенными вокруг обжаренными ломтиками хрустящего сыра коальо¹². И мне мама тоже приносит тарелку.

– Ешь, – велит она, прежде чем проскользнуть обратно на кухню.

Но, несмотря на восхитительный пикантный запах, мне кусок в горло не лезет.

Над дверью снова звенят колокольчики. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как внутрь пробирается донья Сельма. Лучшая бабушкина подруга, которая для меня как бабушка и для мамы как вторая мама. Когда я вижу ее в этой черной одежде вместо обычных ярких, празд-

¹¹ Café com leite – кофе с молоком (*португ.*).

¹² Сыр коальо (*португ. queijo coalho*) – разновидность твердого, но очень легкого сычужного сыра с почти «скрипучей» текстурой при надкусывании, производимая на северо-востоке Бразилии. Популярная закуска к домашним рецептам чурраско (говядины). Также этот сыр часто жарят, приправляя соусом со вкусом орегано или чеснока.

ничных цветов, все кажется мне более... реальным. Когда донья Сельма замечает меня, я, должно быть, выгляжу такой же потерянной, какой себя чувствую, потому что она идет прямо ко мне, расталкивая людей, пытающихся с ней заговорить. Она заключает меня в крепкие объятия. *Мне больше никогда не обнять бабушку.* Боль бьет по ребрам, как удар током.

– Лари, мне нужно, чтобы ты помнила одну вещь, – говорит она мне на ухо. – Тебя любят. И ты не одинока. Ты не одинока. Понимаешь?

Ее темно-карие глаза изучают мое лицо. Я пытаюсь улыбнуться, чтобы показать, что ей не нужно беспокоиться, хотя понимаю, что донья Сельма не ждет от меня храбрости. Но потом она начинает плакать, и мне становится труднее сдерживать собственные слезы.

Она еще раз обнимает меня. Отступает назад и окидывает комнату беспокойным взглядом, как будто кого-то ищет.

– Кажется, мама на кухне, – говорю я, предполагая, что донья Сельма ищет ее.

– Я хочу, чтобы вы с Элиси лучше заботились о себе. – Даже то, как произносит мамино имя, напоминает мне о бабушке. Тот же выговор. Э-лии-сии. – Почему вы открыли «Соль» этим вечером?

– Мама так решила.

Донья Сельма наконец замечает в толпе маму.

– Пойду проведаю ее, – говорит она, перед уходом успокаивающе сжимая мое плечо.

Ко мне подходит Изабель, помощница доньи Клары на рынке.

– Кажется, там что-то горит, – говорит она.

У Изабель часто пригорает растительное масло для приготовления паштетов во фритюре, поэтому она стала чем-то вроде ходячего детектора дыма.

Ощувив в воздухе слабый запах горелого, я морщусь нос.

В другом конце комнаты мама все еще беседует с доньей Сельмой. Я должна пойти и сказать ей о подгоревшей еде, но я не хочу прерывать их разговор. Я знаю, что маме нужны слова доньи Сельмы так же сильно, как минуту назад мне нужны были ее объятия.

– Твоя мама жарила яйца? – нервно уточняет Изабель. – Тебе лучше поторопиться.

– Мне?

Я ощущаю приступ страха. Мама никогда не разрешает мне готовить.

– Да, тебе. Ты ведь не хочешь, чтобы кухня сгорела дотла?

Я уже разочаровала маму сегодня на похоронах, и я не могу просто сидеть без дела, когда горит еда. Но в тот момент, когда я переступаю порог кухни, мое сердце начинает биться еще быстрее.

Зайти в «Соль» было тяжело. Но войти на кухню «Соли», зная, что за стойкой не будет бабушки, еще больнее. Кажется, что стены из красного кирпича сдвигаются. На плите стоит сковорода, содержимое – яичница-болтуня с помидорами и кинзой? – уже прилипает к сковороде с сердитым шипением. Вверх устремляются клубы дыма, затуманивая пространство возле плиты.

Я пытаюсь распахнуть запотевшее стеклянное окно на задней стене, но его заклинило. Лихорадочно оглядываюсь в поисках ложки, чтобы спасти мамину стряпню, но их так много. Деревянные, металлические, пластиковые ложки всех размеров. Какую из них нужно использовать? Я чувствую, как в ушах отдаются удары сердца.

Я хватаю ближайшую ложку. Металлическую. И начинаю как умею скрести дно сковороды, но не уверена, что делаю это правильно.

Жар от плиты просачивается сквозь одежду. Запахи окружают меня со всех сторон, как сеть: орегано, черный перец и сыр с соседней сковороды и пикантный запах сладкого картофеля, кипящего в кастрюле сзади.

Это волнует.

Восхитительно волнует.

Обычно мое волнение полностью связано с тем, что я как-то могу испортить мамину стряпню. Но на этот раз меня переполняют возбужденные бабочки.

Шипение становится громче. Как извержение вулкана. Вторая сковородка тоже начинает дымиться. Горячие пузырьки в кастрюле с кипящим картофелем лопаются слишком близко к моей руке. Опасно, я знаю. И все же я позволяю себе прикрыть глаза, мои уши улавливают всю окружающую меня симфонию звуков готовящейся пищи.

Металлическая ложка в моей руке становится все горячее. Жар проникает в кровь. Быстро. Кровь будто становится наэлектризованной, образует связь, и внезапно...

Я уже не одинока.

В глубине живота у меня возникает ощущение тепла, и я понимаю, что женщины в моей жизни, прошлые и настоящие, здесь, со мной.

На самом деле бабушка не умерла. И не умрет, пока на этой земле стоит «Соль». Раздается внезапный хлопок, и я резко открываю глаза.

Шипящее масло брызгает мне на запястье, и жгучая боль вытесняет все размышления. От неожиданности я отпрыгиваю и случайно задеваю ручку сковороды. Кажется, что все это происходит в замедленной съемке. Я смотрю, как сковородка с яйцами падает с плиты, еда разлетается во все стороны.

Воздух пронзает мамин визг.

2

ПЯТНИЦА, 22 АПРЕЛЯ

Думаете, у такой девочки, как я, кулинарная подготовка могла бы быть и получше, верно? Но, как мы здесь говорим, *casa de ferreiro, espeto de pau*¹³. У сапожника дети всегда без сапог. Или, в моем случае, дочь пекаря не умеет печь... или готовить... от слова «совсем».

Когда я была маленькой, я часто забредала на кухню и исследовала ее самостоятельно. Меня тянуло в этот волшебный мир, где бабушка казалась самой счастливой. Пока все спали, я взбиралась на стул и, поджав под себя ноги, усаживалась на столешницу. Час спустя бабушка, проснувшись, обнаруживала, что я, словно зачарованная, деловито зачерпываю из миски сахар или *manioc farinha*¹⁴ и высыпаю их рядом с собой. Несмотря на беспорядок, она никогда на меня не сердилась.

Бабушка каждый раз брала меня на руки и шептала: «У нас с тобой есть секрет, *minha requena*¹⁵».

Во втором классе я увлеклась сбором плодов и листьев. Размельчала их пестиком в ступке, прихваченной с кухни, добавляла воду и притворялась, что готовлю самый вкусный суп, изо всех сил стараясь подражать бабушкиной стряпне. Это была лучшая из придуманных мной игр, пока меня не увидела кучка детей.

– Что это за мерзкая бурда? – спросили они меня.

– Это суп, – ответила я. – И он не мерзкий.

Педро Молина, внук сеу Ромарио, посмотрел на мою смесь так, словно являлся большим знатоком супов. Несмотря на то что он был моего возраста, он уже помогал на кухне своей семьи. Педро запустил руку в свою кудрявую челку, явно позабыв о намотанной на палец повязке.

– Что с тобой случилось? – поинтересовался один из его друзей.

– Мы с дедушкой нареzáли ломтиками мармелад из гуавы, чтобы приготовить боло де роло¹⁶, – объяснил он с самодовольной улыбкой. – Было совсем не больно.

Все соседские дети посмотрели на Педро с благоговением.

Но я-то видела Педро сразу после того, как он получил травму, и знала правду.

– Я слышала, как ты ревел, – обвиняюще возразила я.

Остальные дети начали перешептываться у него за спиной, и Педро закипел.

Весь – сплошные шишковатые локти и коленки, он сделал ко мне шаг, сморщил нос при виде моей стряпни и сказал:

– Если это суп, покажи, как ты его выпьешь.

Я поднесла смесь ко рту. От сладкого запаха гниющих листьев и хлорофилла у меня скрутило желудок. Цвет у супа был тревожным, красновато-коричневым. Мне *придется* это выпить. Педро бросил мне вызов на глазах у всех.

Я была готова сделать первый глоток – но я стру- сила.

– Это та самая отвратная еда, которую ваша семья подает в «Соли»? – насмеялся он надо мной.

¹³ Casa de ferreiro, espeto de pau – В доме у кузнеца деревянный вёртел (*португ.*). Бразильский аналог русской поговорки «Сапожник без сапог».

¹⁴ Manioc farinha – мука из клубней маниоки (*португ.*).

¹⁵ Minha requena – моя малышка (*португ.*).

¹⁶ Боло де роло (*португ.* bolo de rolo) – традиционный бразильский десерт из северного прибрежного штата Пернамбуку. Кондитерский рулет из очень тонкого теста с начинкой из гойябады (мармелада из гуавы).

Куда бы я ни пошла, его приятели старались, чтобы я слышала вариации одного и того же обвинения. Я даже слышала, как они предостерегали друг друга от того, чтобы ходить в «Соль», потому что мой суп выглядел ужасно. Ситуация выходила из-под контроля, и я должна была что-то сделать, чтобы защитить репутацию «Соли».

Однако мой список неудачных попыток приготовления блюд только увеличивался: я принесла в школу остатки маминого супа, но случайно пересолила его. Вот почему и по сей день меня дразнят Соленой.

Я принесла леденцы, которые тайно приготовила по найденному в интернете рецепту, но они оказались такими твердыми, что моя одноклассница лишилась зуба.

Затем я попробовала вскипятить воду на плите в «Соли», чтобы приготовить *настоящий* суп, но случайно обожгла бабушке руку, когда она меня застучала. От боли она вскрикнула так, что перепугала меня, и я даже хотела, чтобы она обратилась к врачу, но она сказала, что это ерунда.

Мама узнала, что я пробралась на кухню «Соли». И что бабушка пострадала по моей вине. Она наказала меня и заставила пообещать, что я больше никогда не буду готовить за ее спиной. Собственно, ей и не нужно было этого требовать. Я наконец поняла, что приготовление пищи – не для меня, ведь всякий раз, когда я переступала порог кухни, происходило что-нибудь действительно неправильное.

Как будто я была проклята.

Когда кто-то рождается с кулинарным даром, с этой особой способностью превращать еду в волшебство, говорят, что у него от рождения золотые руки. У всех женщин в моей семье есть этот дар. Но когда подошла моя очередь, я думаю, фея была в отпуске на острове Фернанду-ди-Норонья¹⁷, потому что я получила нечто прямо противоположное.

Мой дар – чертово проклятие неуклюжести.

¹⁷ Фернанду-ди-Норонья – архипелаг примерно в 350 километрах от северо-восточного побережья Бразилии, мировой курорт.

3

ПЯТНИЦА, 22 АПРЕЛЯ

Мама подставляет мое запястье под холодную воду, но кожа все еще горит сердитым оттенком красного в том месте, куда брызнуло горячее масло.

– Не так уж и больно, – вру я, но мама все еще выглядит потрясенной.

– Как только тебе в голову взбрело ковыряться в сковороде металлической ложкой? – кричит она, доставая деревянную ложку из ящика. – Вот что нужно было использовать!

Наши соседи вытягивают шеи из-за прилавка, и я чувствую себя так, словно снова учусь во втором классе и устраиваю беспорядки на кухне «Соли». Мое лицо вспыхивает от смущения.

– Прости меня, – тихо говорю я.

Глядя на маму, можно подумать, будто я только что совершила преступление. С таким же успехом я могла бы это сделать. Я – дочь, внучка и правнучка знаменитых пекарей, и все же я даже не понимаю, как поджарить яйцо так, чтобы оно не взорвалось, как граната, на всю кухню. Какая катастрофа.

Мама выпускает тяжелый вздох.

– Иди наверх.

– Позволь, я хотя бы помогу тебе убраться, – говорю я, протягивая руку за шваброй.

– Ты и так сделала достаточно. – Она забирает у меня швабру. – Ступай.

Я волочу ноги к лестнице, избегая зрительного контакта с кем-либо, кто был свидетелем того, как мама меня отругала. На полпути к своей комнате слышу снаружи гудки. Я оборачиваюсь, присаживаясь на ступеньку, чтобы посмотреть, кто подъезжает к «Соли». Мама выходит, чтобы выглянуть на улицу из-за пустой витрины. К ней присоединяется донья Сельма, и я ловлю взгляд, которым они обмениваются.

Мамины тонкие губы побледнели, ее глаза расширились и сияют, как будто за ними нарезает буря. Ее не узнать.

Я сбегая вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки зараз.

– Что случилось? – спрашиваю.

Донья Сельма кладет руку маме на плечо, но это не мешает ей выскочить на улицу. И вот тогда я вижу большой белый фургон, который неуклюже маневрирует на нашей узкой улочке, пытаясь припарковаться перед «Солью».

– Ступай в свою комнату, дорогая. Не волнуйся, – говорит мне донья Сельма, прежде чем отправиться следом за мамой.

Не волнуйся? Что ж, вот теперь я волнуюсь.

Ни за что не оставлю маму разбираться с этим в одиночку.

Я выхожу на улицу.

Из фургона доносится тяжелая песня под аккордеон, популярная в это время года. Водитель, парень лет двадцати с небольшим, рассеянно барабанит пальцами по рулю, бормоча слова песни.

Мама стучит в его окно, и он быстро его опускает, чтобы поговорить.

– Слишком много машин, сеньора, – говорит он. – Я приехал забрать кейтеринговый заказ для свадьбы.

Если бы мы арендовали кейтеринговый фургон, я бы об этом знала. И непохоже на то, что у нас запланировано это мероприятие. Мама собирается что-то сказать, но тут напротив распахивается дверь «Сахара», и оттуда выбегает донья Эулалия Молина – единственная дочь сеу Ромарио и мама Педро.

Донья Эулалия машет водителю руками, белый фартук завязан у нее на талии.

– Надеюсь, это не очередная их выходка, – предупреждающим тоном говорит мама водителю. Она сегодня вечером явно не в настроении.

И я начинаю понимать причину, по которой мама так нервничает.

Она думает, что Молина что-то замышляют.

Эта семья обожает придумывать нелепые способы напасть на нас. Некоторые из них мягкие и нетворческие, например, они отправляют подставных клиентов ругать наши блюда перед настоящими платежеспособными клиентами. В других случаях это может быть что-то скверное.

Возможно ли, что они подослали сюда этот фургон, именно сегодня из всех дней, чтобы покрасоваться?! Неудивительно, что маме трудно сдерживать свой гнев. Теперь и у меня тоже кровь закипела.

Водитель просто смотрит на маму, ожидая указаний, совершенно не обращая внимания на то, что донья Эулалия пытается привлечь его внимание со своей стороны улицы.

– Вы ошиблись пекарней, – резко говорит мама.

Водитель переводит взгляд с нашей вывески на «Сахар» и наконец замечает донью Эулалию.

– На этой улице слишком много пекарен, – оправдывается он, и мама в ответ приподнимает бровь.

Сопровождающие Молину пекари выходят через двери «Сахара» с прикрытыми защитными пленками подносами, до краев наполненными лавандового цвета «виноградными сюрпризами»¹⁸, бригадейро¹⁹ и бем-касадос²⁰, которые они загружают в кузов фургона.

А потом они выносят целый поднос эмпадиньяс!²¹ Даже со своего места через дорогу я вижу, что тесто получилось рассыпчатым и золотистым, как по бабушкиному рецепту.

Дело в том, что всем известно: на нашей улице эмпадиньяс готовят только в «Соли». Это договор, который наши семьи заключили несколько поколений назад, когда наши прабабушки проводили линию фронта:

Рамирес готовят только пикантные блюда;

Молина готовят только сладости.

Приготовив эмпадиньяс, «Сахар» пересек черту, и им это известно. Бесстыдные, нечестные, мусорные змеи!

– Они делают это нарочно, – сквозь зубы цедит мама.

– Элиси, не обращай на них внимания, – призывает донья Сельма. – Возвращайся внутрь.

Но мама застыла на месте, наблюдая через улицу за кейтеринговой процессией.

Донья Клара и сеу Флориано выходят из «Соли», чтобы присоединиться к нам. Оба выглядят возмущенными.

– Скажи мне, что это не свадебный заказ, с которого уволили Джульетту! – взмахивает своей тростью в сторону фургона донья Клара.

«Соль» получила заказ на обслуживание небольшого свадебного приема, но Молина распространили по соседям слухи, что у нас на кухне завелись крысы. Слухи дошли до клиентки, которая нас тут же уволила. Это разбило бабушке сердце, и вскоре после этого она слегла в больницу.

¹⁸ Виноградный сюрприз (*португ. supresa de uva*) – маленькие пирожные с виноградом.

¹⁹ Бригадейро (*португ. brigadeiro*) – традиционный бразильский десерт, созданный в 1946 году кондитером из Рио-де-Жанейро Хэлоисой Набуко де Оливейра. Бригадейро делают из сгущенного молока, какао-порошка, сливочного масла и шоколадной посыпки, покрывающей внешний слой.

²⁰ Бем-касадос (*португ. bem casados*) – букв. «счастливы женаты». Печенье, которое в Бразилии принято подавать на свадьбах.

²¹ Эмпадинья (*португ. empadinia*) – традиционная бразильская закуска, маленький пирожок из песочного теста с пикантной начинкой – курицей или креветками. Для добавления аромата и текстуры в начинке часто используются другие ингредиенты, такие как вареные яйца, сыр, помидоры и оливки.

«Сахар» выпендривается. На их лицах написан неподдельный восторг, как будто они только что увидели, как сборная Бразилии по футболу выиграла у Германии со счетом семь – один, и при этом они сами забили все мячи. Этот кейтеринговый заказ должен был быть нашим! Они украли его у нас!

– Злодейская шайка, способная на все, – бросает мама, проносясь мимо нас, как стрела, обратно в «Соль». Бабушкины подруги следуют за ней по пятам.

Ненавижу Молину.

Я больше не могу сдерживать слезы. Они катятся по моим горячим от гнева щекам. Вместо того чтобы вернуться в «Соль», я иду через улицу к группе младших пекарей, выносящих подносы с едой.

Я скажу им: *«Как вы смеете вредить моей семье? Как вы смеете распространять ложь и красть у нас клиентов? Как вы смеете размахивать своей вероломной победой сейчас, зная, что мы в трауре? Как вы смеете сегодня вечером смеяться?»*

– Как вы смеете!..

Я не успеваю произнести больше ни слова, потому что в этот момент моя нога натывается на что-то неподвижное, и я на секунду замираю в вертикальном положении. А потом...

Уже нет.

– Осторожно! – кричит донья Эулалия, и я довольно скоро понимаю, что предупреждение адресовано не мне.

Я раскидываю руки, чтобы удержаться, как раз в тот момент, когда из «Сахара» выходит кто-то, несущий гигантский трехъярусный свадебный торт. Торт такой высокий, что я даже не вижу человека, который его несет, это просто гора белой глазури. Мои руки погружаются в него, проникая до золотисто-коричневой корочки внутри. Я падаю, увлекая за собой торт и несущего его человека в одно большое, сладкое падение.

4

ПЯТНИЦА, 22 АПРЕЛЯ

Должно быть, на свадебном торте были фигурки жениха и невесты, потому что я замечаю, как в сторону бордюра катится отломленная голова жениха. Бабушка могла бы сказать, что это скверное предзнаменование для брака.

Что ж, думаю, это знак. Знак того, что у меня серьезные неприятности.

Все мое лицо покрыто глазурью, сладкие волосы прилипли к щекам. Вокруг меня раздаются крики. И один сдавленный крик доносится из-под меня. Я смотрю вниз сквозь запачканные линзы очков и обнаруживаю пару глаз, в упор смотрящих прямо на меня.

Погодите... Я знаю эти глаза. Большие, круглые, светло-карие. Глаза *Молины*.

Не могу поверить, но только что я врезалась в хулигана из моего детства. Моего соперника в школе и на улице. Семнадцатилетнего вундеркинда-пекаря, внука сеу Ромарио. *Педро Молина*.

Запах сахара в воздухе такой густой, что речь, которую я приготовила для его семьи, замирает у меня на кончике языка. Я даже не знала, что он в городе. Никто не видел его около двух недель, он уезжал неизвестно куда.

Педро выглядит так, словно не может верить в то, что произошло, и как только наши взгляды встречаются, выражение его лица становится ледяным.

– Отцепись от меня. – Его голос так же холоден.

Я пытаюсь оттолкнуться от него, но на тротуаре слишком много глазури. Мои ноги скользят, и я снова падаю Педро на грудь, наши лица так близко, что я чувствую головокружительный, сладкий аромат глазури в его волосах. Его глаза расширяются.

Чьи-то руки подхватывают меня под мышки, чтобы поднять, и на заднем плане эхом раскатывается пронзительный мамин крик.

– Не прикасайся к моей дочери! НЕ. ПРИКАСАЙСЯ. К НЕЙ!

– Твоя девчонка испортила торт! – орет на маму донья Эулалия.

– Это был несчастный случай, – пытаюсь объяснить я, но меня никто не слушает.

Мама примчалась из «Соли» как ураган, готовая уничтожить кого угодно – *что угодно* – рядом со мной. Когда она вытаскивает меня из хаоса, в ее глазах горит такой огонь, какого я никогда раньше не видела. Я ошеломлена. Она никогда не была так похожа на бабушку, как сейчас.

– Ты не ранена? – Она с ног до головы окидывает меня беспокойным взглядом.

– Я... я в порядке, – заикаюсь я. Вся в торте, уверена, я выгляжу неубедительно.

Мама начинает вести меня через улицу, и я понимаю, что покупатели, которые были в «Соли» и «Сахаре», уже высыпали полюбоваться разворачивающейся сценой.

– Твоя дочь нарочно испортила торт! – кричит вслед маме донья Эулалия. Мы поворачиваемся, и она шагает к нам. – Ничего не собираешься с этим сделать? – Она расстегивает фартук и театрально бросает его к ногам мамы, но он приземляется на омытые дождем булыжники.

По всей улице заходятся лаем собаки.

– Клянусь, я не нарочно, – снова пытаюсь я, переводя взгляд с мамы на донью Эулалию. – Я до последней секунды даже не видела торт.

– Это был трехъярусный торт! – рычит донья Эулалия. Капли дождя блестят на ее волосах, как роса.

– Если моя дочь говорит, что это был несчастный случай, значит, это был несчастный случай. *Ponto final*²², – парирует мама.

²² *Ponto final* (португ.) – букв. «финальная точка». Конец разговора.

На заднем плане я вижу, как несколько пекарей выкапывают Педро из-под обломков торта. Он поднимается на ноги спиной ко мне, обретает равновесие на скользком тротуаре и идет назад в «Сахар».

Мама снова пытается отвести меня домой, но донья Эулалия, похоже, не позволит нам так легко уйти. Эта женщина всегда в настроении поругаться посреди улицы. Как будто считает весь район своей сценой.

– Отвали! – огрызается мама. – Клянусь, если ты приблизишься к моей дочери...

– Как это низко, Элис! – обвиняет она маму. – Ты испортила чью-то свадьбу! Что я скажу невесте? – Ее сердитые глаза находят меня, как самонаводящаяся ракета. – Ты подошла специально, чтобы испортить торт!

Другие пекари «Сахара» хором подтверждают: «Да, так и есть!»

– Лари Рамирес никогда бы такого не сделала! – кричат в ответ бабушкины подружки.

Мамино лицо приобретает темно-красный оттенок.

– Ваша семья распустила ужасный слух, что в «Соли» водятся крысы, лишь для того, чтобы украсть у нас клиента!

К нам подходит донья Сельма, на ее лице – выражение беспокойства.

– Сейчас не время. Пожалуйста, Элиси, вернись в «Соль».

Но мама и донья Эулалия снова начинают кричать друг на друга. Десятилетия гнева рикошетом проносятся между пекарнями, здания словно замирают, играя в гляделки, поддерживаемые двумя группами соседей. Одни – за «Соль». Другие – за «Сахар».

– Что здесь происходит? – произносит голос, и окрестности – черт возьми, весь город – затихают.

Мама хватается меня за руку, ее пальцы на моих холодны как лед.

К нам по улице идет сеу Ромарио. Он переводит взгляд с разлетевшегося по тротуару торта на глазурь, покрывающую меня с головы до ног.

– Это просто маленький кусочек торта упал с подноса. Все под контролем, – лжет донья Эулалия, но сеу Ромарио даже не смотрит на нее.

Ему под семьдесят, и здоровье у него уже не то, что прежде, но его присутствие по-прежнему внушительно.

– У нас остались праздничные торты? – спрашивает он младшего пекаря, в то время как остальные опускают головы, как делает большинство моих одноклассников, когда боятся, что их вызовут к доске отвечать на вопрос.

Младший пекарь заметно вздрагивает.

– Нет, шеф, – говорит она.

– Что у нас осталось с сегодняшнего утра?

– У нас есть Болу-Соуза-Леон²³, мраморный торт и торт с маракуйей. К сожалению, они все небольшие.

Сеу Ромарио хмурится.

– Осталась какая-нибудь глазурь?

– Немного ганаша²⁴, шеф.

– Используйте его как глазурь на мраморном торте. Сверху добавьте ягоды клубники. Еще возьмите для этой свадьбы все маленькие пирожные, которые у нас остались. Захватите ассорти из гуавы и боло де роло со сливками, которые мы собирались выставить завтра для покупателей. Это не то же самое, что свадебный торт, но ничего не поделаешь. Извинитесь перед невестой. Если ее не устроит ассортимент тортов, скажите, что мы вернем деньги.

При звуке слова «вернем» донья Эулалия подскакивает.

²³ Болу-Соуза-Леон (*португ.* bolo souza leão) – старейший бразильский рецепт торта.

²⁴ Ганаш – крем из шоколада и жидких сливок.

– Как это «вернем», отец?! Я не хотела тебя расстраивать, но ты должен знать правду. Это они должны покрыть ущерб! Они специально испортили торт! – Она тыкает в маму пальцем.

Младшие пекари переводят взгляд с доньи Эулалии на сеу Ромарио.

– Вы плохо слышите? – Он хватается за свою трость, его голос подобен грому. – Делайте что сказано. Грузите торты и остальные подносы в фургон. Сейчас же.

– Да, шеф.

– Простите, шеф.

– Сию минуту, шеф.

Все спешат обратно в «Сахар», чуть не спотыкаясь друг о друга.

В «Соли» на кухне всегда были только мама и бабушка, в то время как у Молины есть большая сменная группа младших пекарей, как будто они создают собственную армию. Деньги за предательство – вот причина, по которой их бизнес всегда был немного больше нашего.

Это история, которую я знаю с детства.

Прабабушка Элиза Рамирес была подающим надежды поваром в гостинице. Эта работа была ее единственной возможностью самостоятельно вырастить мою бабушку, поэтому она прославилась рецептом изысканно пикантного, пропитанного маслом боло де фуа. Донья Элизабет Молина работала в гостинице дольше, чем прабабушка, и она также прославилась собственным рецептом. Молочным пудингом. Говорили, он получался у нее таким гладким, что будто сам скользил по языку.

Эти двое часто враждовали. Каждая хотела доказать соседям, кто лучший повар в городе, и такая возможность представилась благодаря кулинарному конкурсу.

В ночь перед конкурсом прабабушка и донья Элизабет были заняты приготовлением конкурсных блюд и заботой о многочисленных гостях в гостинице. Это была оживленная ночь, в городе на карнавал собралось много ту-ристов.

Нервы на пределе, плечом к плечу, и борьба за место на маленькой кухне. История гласит, что повара случайно подставили друг другу подножки, и их пирог и пудинг слетели с подносов.

Чудесным образом слои сложились вместе. Молочный пудинг доньи Элизабет оказался поверх прабабушкиного боло де фуа. Может быть, донья Элизабет до последней секунды держала поднос под правильным углом, и у пудинга было достаточно поверхностного натяжения, чтобы просто соскользнуть в нужную сторону, не разлетевшись на кусочки. Может быть, прабабушкин пирог оказался достаточно плотным, чтобы выдержать сверху тонкий слой пудинга. Как бы то ни было, они попробовали этот новый, случайно получившийся двухслойный пирог и поняли, что их рецепты прекрасно дополняют друг друга. Когда они раздали образцы, реакция гостей стала доказательством того, что они создали совершенство.

Вскоре никто уже и не помнил, что они участвовали в конкурсе. Потому что с этого момента единственное, о чем все могли говорить, был их новый рецепт, который называли «Соль и сахар». Слой боло де фуа, слой молочного пудинга.

Прабабушка Элиза и донья Элизабет собирались вместе открыть пекарню и назвать ее в честь своего нового легендарного рецепта. Но потом донья Элизабет предала прабабушку, продав рецепт кондитерской фабрике, и на свет появился «Сахар». Пекарня, которую донья Элизабет открыла прямо через дорогу от гостиницы на деньги, которые заплатила ей фабрика.

Большие деньги. Цена за предательство.

Когда хозяин гостиницы умер, она перешла к моей прабабушке, которая превратила ее в пекарню и назвала «Соль». Мой дом.

И вот мы с мамой сейчас, спустя несколько поколений, все еще враждуем с Молиной.

Видите ли, в моем районе, где люди редко покидают семейные дома, время будто стоит на месте, а старые раны не заживают. Возможно, оно и к лучшему: эти раны напоминают о том, кому можно доверять, а кому – нет.

Мама пытается вернуть меня в «Соль», и я дрожу, когда делаю первый шаг, мои ноги все еще онемевшие.

– Элис, – окликает за нашими спинами сеу Ромарио. – Если у тебя найдется минутка, я хотел бы с тобой поговорить.

Я смотрю на маму, ожидая услышать, что она скажет «нет». Ей нельзя заходить в «Сахар». Молина бросят ее в кастрюлю и подадут на ужин.

Но, несмотря на гневный взгляд, она смотрит на сеу Ромарио и кивает в знак согласия.

– *Мама?*

Донья Эулалия выглядит такой же удивленной, как и я.

– Отец, нет. Это не очень хорошая идея. Эти люди уже устроили грандиозный скандал. Я не хочу, чтобы они тебя расстраивали.

Он игнорирует ее, все еще глядя в упор на маму.

– Элис, прошу сюда.

Я тяну маму за руку, чтобы остановить ее.

– Послушаем, что он хочет сказать, – говорит она, словно бросая вызов.

Я боюсь, что в своем горе мама хочет получить возможность разрушить между нашими семьями все раз и навсегда.

5

ПЯТНИЦА, 22 АПРЕЛЯ

Я прожила всю свою жизнь через дорогу от Молины, но в «Сахаре» нахожусь впервые.

Оформление внутри очень безвкусное. Мерцающие огоньки в форме сосуллек, свисающих с потолка. Красные стены, как и фасад, оттенка одежды Санта-Клауса. Стеклянные полки и прилавки отполированы до блеска, ни единого признака отпечатков пальцев или запотевших следов от детского дыхания.

Сзади полупрозрачная стенка с прорезями для витрины. Большинство из них уже пусты, но основное место в центре занимает ассортимент боло де роло, знаменитой выпечки сеу Ромарио. Специальное освещение демонстрирует традиционно сверхтонкие спиральные слои – по его словам, в этом рулете *двадцать* слоев – промазанных гуавой и пересыпанных сахарными гранулами, которые блестят, как россыпь кристаллов.

Полки справа и слева ломятся от мармелада, ярких конфет, пудингов из сгущенного молока, печенья, пирожных и сладких булочек, наполняющих воздух сильным сладким ароматом, который как будто и в самом деле можно попробовать на вкус. Словно вы оказались на кондитерской фабрике.

Некоторые покупатели «Соли» и «Сахара», которые наблюдали за катастрофой с тортом снаружи, устремляются за нами под предлогом получения образцов паштейш де ната²⁵, которые предлагает за прилавком младший пекарь. Когда пекарь видит, что мы входим в кондитерскую, она замирает, все еще протягивая поднос.

Мой желудок скручивается в узел.

Когда толпа немного расступается, я замечаю знаменитый рецепт молочного пудинга доньи Элизабет Молина, запертый в стеклянной коробке на стене. У меня отвисает челюсть. Наверное, я не ожидала, что ее рецепт будет так похож на рецепт моей прабабушки в «Соли». Если бы не вражда наших семей, рецепт доньи Элизабет был бы второй половиной. Не полярной противоположностью, а родственной душой.

– Пожалуйста, следуйте за мной, – приглашает сеу Ромарио, ведя нас вокруг прилавка, и меня захлестывает адреналин. Потому что нет ничего более святого, чем мир за главным прилавком пекарни. Это место, где наука превращается в магию. Что бы сказала бабушка, если бы увидела нас сейчас?

Донья Эулалия пробегает мимо нас к сеу Ромарио.

– Отец, подожди. Я не хочу, чтобы ты разговаривал с ними наедине, – говорит она тихим голосом. – Мы тоже должны участвовать в этом разговоре.

– «Мы»? – хмурится сеу Ромарио.

– Мы с Педро, – объясняет она, и при упоминании Педро он кажется удивленным. Она быстро добавляет: – Да, он дома. Приехал сегодня днем.

– *Педро!* – зовет сеу Ромарио. От его голоса даже фундамент пекарни вздрагивает.

– Отец, следи за своим давлением, – умоляет донья Эулалия.

Педро выходит из кухни «Сахара», вытирая торт с лица тряпкой для мытья посуды.

– Дедушка, – приветствует он, опуская глаза в знак почтения.

Позади него на кухонном полу я замечаю его синий рюкзак, тот, с которым он ходит в школу. Он раздут от его вещей, даже молния разошлась. Как будто Педро предпочитает таскать с собой весь свой гардероб, куда бы ни шел.

Сеу Ромарио смотрит на него долгим взглядом, и глаза Педро остаются прикованными к собственным измазанным тортом ботинкам.

²⁵ Паштейш де ната (*португ. pastéis de nata*) – заварные пирожные.

– Стало быть, ты вернулся, – говорит мужчина, и, возможно, это мое воображение, но в его тоне есть намек на «я же тебе говорил».

– Да, да, – вмешивается донья Эулалия. – И он никуда не денется, верно, Пью?

Пью? Я подавляю смехок, который вызвало у меня это прозвище. Педро свирепо смотрит на меня.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать дедушке, но тот отворачивается, не давая ему шанса, и я ловлю обиженный взгляд Педро, брошенный деду в спину.

– Иди с дедушкой, – одними губами говорит Педро его мать, и после некоторого колебания он сдаётся.

Должно быть, между ними что-то произошло. Интересно, не по этой ли причине Педро уехал так внезапно?

Донья Эулалия входит в кабинет сеу Ромарио следом за Педро, даже не оглядываясь, чтобы посмотреть, идем ли мы за ней.

Комната такая же узкая, как кабинет бабушки в «Соли», ненамного больше чулана для метел. Пахнет одеколоном. Сильно. Удушающе. По обе стороны стола стоят картотечные шкафы.

И везде, где есть свободное место на стенах, висят в рамках награды за выдающиеся достижения в выпечке кондитерских изделий, полученные сеу Ромарио в молодые годы. Он усаживается за стол. Прикрывает налитые кровью глаза, как будто плохо спал в последнее время. Донья Эулалия становится справа от него, Педро обнимает дедушку слева. Перед столом есть только один свободный стул, поэтому я жестом приглашаю маму присесть.

И на нас опускается неловкое молчание.

Сеу Ромарио ерзает на стуле, словно пытаясь найти более удобное положение. А потом *улыбается*.

У меня тут же пересыхает в горле, потому что я не думаю, что когда-нибудь видела, как этот человек улыбается. По крайней мере, не так, и уж точно не нам. Улыбка достигает его глаз и затуманивает их.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты очень похожа на своего отца, Ларисса? – спрашивает он.

Я вижу, как мамины руки сжимаются на подлокотниках кресла, костяшки пальцев белеют.

Папа погиб до моего рождения, так что мне так и не пришлось его увидеть. Но я видела фотографии.

– Конечно... – отвечаю я сеу Ромарио.

– У Габриэля тоже была похожая, как бы это сказать, *предрасположенность* к неуклюжести.

Я чувствую, что краснею. Не пойму, кого он оскорбляет – папу или меня. Или, может быть, нас обоих.

Когда папа был немного старше меня, он работал в «Сахаре», помогая Молине с бухгалтерией, но эта сторона истории моих родителей кажется мне почти нереальной. Мама никогда не говорит об отце. Его гибель – тяжелая для нее тема.

Я действительно слышала, как Изабель однажды спросила маму, каково это – влюбиться в кого-то из «Сахара». Это был невинный вопрос от чересчур любопытного, но все равно любимого друга семьи, но мама не проявила снисхождения. Тогда я впервые услышала, как она огрызается на любого, кто спрашивает ее об отце.

«Габриэль *не из «Сахара»*, – поправила ее мама. – Он *работал* в «Сахаре». Это большая разница. Он вовсе не был одним из них».

Услышав, что сеу Ромарио так неожиданно заговорил об отце, я задаюсь вопросом: каково ему было, когда один из его сотрудников влюбился в Рамирес?..

Он продолжает:

– Однажды, когда Габриэль попытался переставить большую миску сливочного крема, он...

Мама вскакивает со своего места.

– Так вот почему вы попросили меня о разговоре? Чтобы удивиться сходству между моей дочерью и ее отцом?

– Как ты смеешь повышать голос?! – кричит донья Эулалия.

Сеу Ромарио нервным жестом просит маму остаться.

– Пожалуйста, пожалуйста, я не хотел ничего пло- хого.

Она, прищурившись, долгую секунду смотрит на него и снова садится, на этот раз на самый краешек сиденья.

– Мы забываем истинную причину, по которой мы здесь, – говорит донья Эулалия. – Педро усердно трудился над приготовлением этого свадебного торта в соответствии с поступившими в последнюю минуту требованиями клиентки! Это был прекрасный торт, отец. Девчонка Рамирес нацелилась прямо на него!

– Почему Педро пытался вынести слои собранными, – спрашивает сеу Ромарио, – несмотря на конкретные инструкции, которые я оставил насчет того, что их следует везти отдельно?

Педро выглядит уязвленным. Я не могу поверить, что он только что получил выволочку у нас на глазах.

– Водитель опоздал, и я изо всех сил старался побыстрее доставить заказ.

– Отговорки, – парирует бабушка, и кончики ушей Педро, торчащие из-под измазанных в торте спутанных волос, становятся ярко-красными. – Всегда одни и те же отговорки. Когда ты научишься следовать моим инструкциям?

– Бабушка... я имею в виду, шеф, я не хотел...

– Я не собираюсь сейчас с тобой препираться. – Сеу Ромарио делает нетерпеливый жест рукой. – Эулалия, Педро, оставьте меня, я поговорю с Рамирес.

Педро в мгновение ока исчезает за дверью, но донья Эулалия медлит.

– Отец, я думала, мы договорились, что будет лучше, если мы с Педро...

– *Выйди.*

Она повинуется, но перед тем бросает на нас последний злобный взгляд. И в тот момент, когда она уходит, я словно становлюсь свидетельницей того, как спадает волшебная вуаль. Плечи сеу Ромарио горбятся, как будто он перед своей семьей пытался казаться сильнее.

– Теперь, когда мы можем поговорить наедине, – его голос срывается, – я хотел бы выразить свои глубочайшие... Мои самые... Элис, твоя мама – она... она не заслужила такой участи.

Болезненный всхлип подступает к моему горлу, угрожая вырваться наружу. Я не могу поверить, что вот-вот расплачусь перед ним. Не могу поверить, что вот-вот позволю себе растаять, когда все, чего я хочу... Все, чего я хочу...

Мне хочется на него *наорать*.

Я хочу спросить его, почему он был так жесток с бабушкой все эти годы.

Хочу припомнить ему каждый раз, когда он заставлял ее плакать. Но я не могу.

Не могу орать на сеу Ромарио, не тогда, когда у него слезы на глазах.

– Я знаю, у нас были разногласия, но, поверь мне... – Он достает из кармана рубашки носовой платок и вытирает глаза. – Поверь, я так сожалею, что Джульетта... что она...

Его плечи вздрагивают, как вздрагивает гора, которая вот-вот рухнет, и я смотрю на маму. Ее губы плотно сжаты, а лицо становится все краснее и краснее. Ноздри раздуваются с каждым вдохом, и кажется, что она начинает учащенно дышать.

– Вы ненавидели мою мать, – говорит мама хриплым от едва сдерживаемого гнева голосом.

– Я знал ее с тех пор, как мы были детьми, когда наши матери позволяли нам играть вместе, пока сами работали над рецептами «Соли» и «Сахара». – Он тяжело дышит, как будто пытается подыскать слова. – Несмотря ни на что, я *уважал* Джульетту Рамирес.

Сеу Ромарио внезапно раздражается громкими, горестными слезами.

В кабинет влетает донья Эулалия.

– Ты его расстроила! – обвиняет она маму.

Я замечаю, что Педро вернулся к двери, он выглядит потрясенным. Позади него множество любопытных пекарей и покупателей вытягивают шеи, не смея подойти слишком близко, но все же изо всех сил стараясь подслушать. Когда он смотрит на меня, я вижу в его глазах замешательство. Кажется, он не знал новостей о бабушке.

Рыдание вырывается изо рта мамы, как икота. Я хочу вытащить ее из «Сахара», но я приросла к земле, не в силах спасти из этого хаоса ни ее, ни себя.

– Как вы смеете так говорить, когда столько лет ее мучили! – кричит на него мама.

– Убирайся! – вопит донья Эулалия. Ее лицо искажается таким гневом, что слезы катятся по щекам.

Педро поспешно встает между доньей Эулалией и мамой, чтобы удержать свою мать подальше от нас.

Мама отодвигает стул и встает, чтобы уйти. Я отпрыгиваю в сторону в последнюю секунду, когда он врывается в стену, в результате некоторые сертификаты падают, по всему полу разлетаются стекла.

– УБИРАЙСЯ! – Донья Эулалия верещит так, что у нее на лбу вздувается жила.

Мама делает шаг к столу.

– Если вы перейдете мне дорогу, если будете тыкать пальцами в мою дочь, если попытаетесь навредить моему бизнесу, я без колебаний буду с вами бороться, – говорит она, в упор глядя на сеу Ромарио. – Можете сколько угодно говорить, что сожалеете, но это не сотрет годы боли, которые вы причинили моей матери. Наша вражда в силе. Моя мать прожила свою жизнь не напрасно!

Мамины слова звучат как официальное объявление войны.

6

СУББОТА, 23 АПРЕЛЯ

На следующее утро я нахожу маму на кухне «Соли».

Покупателей пока нет, что очень необычно для субботы. Но я надеюсь, что это просто означает, что большинство людей не в курсе, что мы снова открылись.

– Ты встала, – говорит она, взглянув на наручные часы.

– Не могла уже больше спать.

По кухне разливается тепло и аромат свежего хлеба – тыквенного, черного с семенами кунжута, посыпанных орегано багетов. Я замечаю свежий букет подсолнухов, лежащий перед рецептом прабабушкиного боло де фуа. Бабушка обычно оставляла эти цветы для своей матери, как будто рецепт за стеклом на стене был святыней. Теперь цветы здесь, чтобы в первый раз почтить бабушку.

Мама ловит мой удивленный взгляд.

– Почему бы тебе не пойти и не взять пару табуреток? – говорит она. – Давай позавтракаем на кухне.

Когда я возвращаюсь с табуретками, мама уже расставляет на деревянном прилавке тарелки.

Сладкий картофель. Пюре из батата под вяленой говядиной. Французский хлеб. Сливочное масло. Миска теплого кускуса. Как будто она пытается накормить целую армию.

– Я не очень хочу есть, – признаюсь я.

– Это на тебя не похоже – отказываться от завтрака, – замечает она, подмигивая. И мое сердце замирает, потому что мама подмигивает точно так же, как раньше подмигивала бабушка. – И ты почти не ела прошлым вечером. Тебе *нужно* поесть.

Я присоединяюсь к ней у стойки, стараясь не думать о том, что без третьего табурета в центре, чтобы уравновесить нашу семью, стойка кажется намного шире, чем она есть на самом деле.

Завтрак начинается в молчании, только холодильник гудит на заднем плане.

Я добавляю сливочное масло к батату, и ложка тает у меня во рту, согревая изнутри. Беру по одному маленькие кусочки оставшейся со вчерашнего вечера вяленой говядины и жую их с закрытыми глазами. Позволяю соленому аромату распространиться по моим вкусовым рецепторам, чтобы разбудить их один за другим.

Затем придвигаю поближе миску с молочным кускусом, вдыхая ароматный коричный пар. Я пытаюсь сосредоточиться на жевании, но боль в моем сердце не стихает.

Я не могу продолжать притворяться, что прошлым вечером у нас не было стычки с Молиной.

– Мам, я хотела сказать... Мне очень жаль.

– Не нужно извиняться, – говорит она, медленно нарезаая буханку хлеба.

– Я не нарочно уничтожила торг. Я подошла, чтобы сказать им, чтобы они перестали смеяться. Чтобы перестали шуметь, когда бабушка только что...

Я все еще не могу это произнести.

Мама делает глоток кофе – черного, без сахара, – затем ставит чашку на стол.

– Забудь о прошлом вечере. – Она кивает на тарелки передо мной. – Твоя еда стынет.

Как я могу забыть о прошлом вечере? Сеу Ромарио расплакался перед нами и сказал, что уважал бабушку. Все это бессмысленно.

Холодильник начинает шипеть, как будто давится невысказанными словами, и мама бросает на него настороженный взгляд.

– Не хватало, чтобы еще и ты сейчас сломался, – бормочет она.

– Что имел в виду сеу Ромарио прошлым вечером? – спрашиваю я, и по тому, как напрягаются мамины плечи, понимаю, что она больше не хочет об этом говорить.

– Ешь, Лари.

– Что он имел в виду? – настаиваю я, откладывая ложку. Колокольчики в «Соли» тихо звенят, и мама убегает в пекарню, как будто рада сбежать от меня.

Я слышу, как она говорит:

– Доброе утро. Чем я могу вам помочь?

Я иду присоединиться к ней. Может, я и не пекарь, но думаю, мне следует хотя бы начать принимать заказы.

В «Соли» стоит клиент, которого я раньше не видела: белый мужчина, вероятно, лет тридцати с небольшим, высокий и подтянутый, в дорогом черном костюме. Он вполглаза поглядывает на маму, его необычные светло-голубые глаза оценивают помещение.

– Доброе утро, – отзывается он через несколько долгих секунд, как будто только что вспомнил, что нужно ответить.

Он не похож на туриста – у него на шее нет фотоаппарата, – так что, возможно, он наш новый сосед, который хочет позавтракать перед тем, как отправиться на деловую встречу субботним утром.

Мама слегка хмурится, но продолжает улыбаться.

– Добро пожаловать в «Соль», – говорит она. – Дайте мне знать, если захотите попробовать образец.

– Обязательно, – говорит он, засовывая нос в бабушкины банки с фруктами. Когда он наконец подходит к главному прилавку, он сразу же начинает осматривать товары, которые мама уже выставила на прилавок этим утром. За стеклом лежат эмпадиньяс – круглые, идеально золотисто-коричневые пирожки в горшочках, начиненные рубленой курицей и зелеными оливками.

Люди обычно знают, чего хотят, когда заходят в нашу пекарню. Пять буханок хлеба. Эмпадиньяс с креветками. Может быть, квентинью²⁶ навынос, теплый кускус с говядиной по рецепту от «Соли». Но мужчина, кажется, не торопится, хмурит брови, он больше похож на инспектора, чем на покупателя.

– Это мои любимые, – говорю я, указывая на поднос с коксиньей, изо всех сил стараясь быть любезной, как это сделала бы бабушка. – Они начинены сыром катупири²⁷. Не хотите попробовать образец?

– Что ты делаешь? – тихо шипит на меня мама.

– Я надеялась, что смогу помочь сегодня в «Соли».

– Лари, нет... – начинает мама, но мужчина внезапно перестает тарашиться по сторонам, и ее внимание снова переключается на него. – Что вам подать? – с очередной улыбкой спрашивает она.

Он достает из кармана костюма визитную карточку и протягивает ее маме.

– Меня зовут Рикардо Перейра, – говорит он, изображая улыбку, в которой больше зубов, чем сердечности. – Я юрист, представляющий интересы супермаркета «Сделки-Сделки». Мы рассматриваем возможность покупки места по соседству, чтобы открыть свое новое кафе, и я хотел бы сделать вам предложение.

²⁶ Квентинья (*португ.* *quentinha*) – дословно «горячее». Теплые закуски, подаваемые к обеду.

²⁷ Катупири – бразильский мягкий сливочный сыр. В Бразилии он ассоциируется со многими блюдами, такими как пицца, лазанья, пастель (разновидность самсы) и коксинья.

7

СУББОТА, 23 АПРЕЛЯ

«Сделки-Сделки» появились в самом центре нашего района два года назад.

Строительство было быстрым, как будто здание и огромная парковка появились из ниоткуда посреди ночи. Автомобильное движение переориентировалось в их сторону. Пешеходное движение на наших улицах тоже поредело, потенциальные новые клиенты и туристы клюнули на их хитроумные мероприятия.

В следующее Рождество парень, одетый Санта-Клаусом, приземлился на их стоянку на вертолете. Люди были *поражены*. Шоу собрало сотни клиентов и телевизионные съемочные группы.

– В этом году я закрываю свое предприятие! – объявил Санта всем, кто слушал. – Я отправил эльфов в отпуск, потому что делаю покупки в «Сделках-Сделках» и вам советую!

После этого однажды вечером соседи собрались в «Соли», чтобы обсудить будущее района. Все пришли. Ну, все, *кроме* Молины.

– Ступай наверх, – велела мне мама, когда все собрались. – Разве тебе не нужно сделать уроки?

– Я хочу присоединиться к собранию, – шепнула я ей.

– Это тебе не детские игры.

Она произнесла эти слова перед всеми, как будто я была упрямым ребенком, не желающим ложиться спать после ее отхода ко сну. Я собиралась возразить, но бабушка ее поддержала.

– Слушайся маму, – сказала она, не оставляя мне ни единого шанса. И это было *больнее*, чем унижение от того, что со мной на глазах у соседей обошлись как с ребенком.

Я развернулась, направляясь к лестнице, но едва внимание мамы снова переключилось на собравшихся, спряталась в тени, слушая, как она читает статью о «Сделках-Сделках» и их сомнительных рыночных экспериментах в Южной Америке. О том, как они обосновываются в районах вроде нашего и снижают цены на фоне тех, что предлагают семейные продуктовые магазины.

У компаний, подобных этим, достаточно крепкая система безопасности, чтобы они могли управлять своим магазином в условиях дефицита, так что они могут давить малый бизнес, не давая ему возможности конкурировать. Они уничтожают предприятия вроде «Соли» и наших соседей одно за другим, до последнего.

Это был первый раз, когда я услышала термин «хищническое ценообразование», и представила себе волков, выслеживающих добычу. Острые когти. Оскаленные зубы. На мгновение я даже забыла, что разозлилась на маму и бабушку. Я просто так... *испугалась* за «Соль». За всех.

– Мы не можем позволить, чтобы это случилось с нами, – сказала мама. – Я предлагаю покупать только друг у друга. Если мы будем поддерживать наших соседей и не дадим «Сделкам-Сделкам» вести их бизнес, может быть, тогда они уйдут.

Я наблюдала, как соседи столпились у прилавка «Соли», каждый подписывал бойкот. Но когда подошла очередь доньи Марты, местного флориста, она запаниковала.

– Они отомстят! – крикнула она.

– Ну и что? – возразил сеу Флориано, торговец шашлыками. – Мне они уже угрожают. Моя лавка находится в самом конце торгового ряда, а они хотят расширить свою парковку до улицы прямо за ней. Но я не позволю им победить. Мы должны держаться вместе. Дайте им знать, что мы не сдадимся без боя!

– Ты не можешь позволить им запугать себя, – сказала бабушка, пытаясь успокоить подругу.

– Вам легко говорить, – уперлась донья Марта. – Но вы еще не видели, на что они способны! «Сделки-Сделки» строят теплицу! Теплицу со всевозможными растениями, которая задавит мой бизнес! Джульетта, просто подожди, пока они придут за тобой. Когда они расширят свою пекарню и ты не сможешь конкурировать с сотнями дешевых батонов фабричного производства, которые они примутся поставлять в наш район, ты поймешь, что я имела в виду! Бойкот ни к чему не приведет, только разозлит их. Когда ты приглашала нас сегодня вечером, я думала, у тебя есть реальный план.

Это прозвучало как угроза. Хуже. Это прозвучало как пророчество, и я впервые в жизни увидела в бабушкиных глазах тоску.

Я думаю, что именно тогда я впервые стала думать о «Соли» как о чем-то, за что я несу ответственность. Под угрозой оказалось все, что я знала. Все, что я любила. Моя жизнь в пекарне. Мои соседи. Я не хотела это терять. Я понимала, что должна что-то сделать, просто не знала что.

И вот, когда соседи ушли, а мама и бабушка удалились обратно на кухню, я на цыпочках подкралась к списку.

Осторожно, старательно вывела свое имя:

Лари Рамирес.

8

СУББОТА, 23 АПРЕЛЯ

– «Соль» не продается, – решительно говорит мама.

– Разве вам не интересно хотя бы услышать наше предложение? – спрашивает мужчина липким, как мед, го- лосом.

– Нет, спасибо. – Мама бросает его визитку на стойку и скрещивает руки на груди. Я тоже скрещиваю руки. – Как я уже сказала, «Соль» не продается.

– Видите ли, в этом районе есть много отличных мест для кафе. – Мужчина оглядывается через плечо на улицу, как будто прикидывает варианты, и, возможно, это мое воображение, но его взгляд слишком долго задерживается на «Сахаре». – Но мне особенно приглянулось это здание. Не хотелось бы отказываться от такого хорошо зарекомендовавшего себя места, даже не дав ему шанса.

От того, как он произносит слово «приглянулось», у меня по спине пробегает холодок, как будто мой дом – это превосходный стейк, в который ему до смерти хочется вонзить зубы.

– Мы не продаемся, – повторяю я мамины слова.

Его голубые глаза медленно поворачиваются ко мне, и я чувствую, как по рукам вверх и вниз бегут мурашки.

Мамина рука предупреждающе ложится мне на плечо.

– Простите, что разочаровываю, но в третий раз: мы не продаемся, – повторяет мама.

Она прекрасно контролирует голос, но ладонь на моей коже влажная.

– Оставьте себе мою визитку, – настаивает он с очередной зубастой улыбочкой. – Если передумаете, загляните ко мне в офис. Я не могу предложить вам много времени на раздумья, так как мы ведем переговоры и с другими местами. Но, скажем так... дадите мне свой ответ к концу мая?

– Нет, спасибо.

Он наклоняет голову, улыбка все еще приклеена к его лицу.

– Ладно, может быть, это рановато. Я понимаю ваши колебания. Как насчет конца июня? Примерно в День святого Иоанна? У вас будет целых два месяца, чтобы все обдумать. Звучит справедливо?

– Справедливо?! Разве вы не слышали, как моя мама сказала, что мы не продаемся? – огрызаюсь я, и мама снова сжимает мое плечо.

– Если у вас за это время возникнут вопросы, не стесняйтесь позвонить или написать мне по электронной почте, – говорит он, не обращая внимания на мой тон.

Быстро кивнув маме, он уходит так же тихо, как и вошел, как волк, которым он и является; колокольчики над дверью едва издают звук.

Мама убирает руку с моего плеча и выдыхает.

– Иди одевайся.

– Зачем? Мы куда-нибудь идем?

– Так и есть. Донья Сельма пригласила тебя навестить ее в «Голосах».

«Голоса» – это некоммерческий общественный центр, которым руководит донья Сельма, в нем бесплатно обучают детей и подростков многим внешкольным программам. У них даже есть бесплатный детский сад, и мы с бабушкой каждые выходные приходили туда волонтерами. Но с тех пор как бабушка заболела, я не приходила. Мама начинает говорить, как важно, чтобы мы вернулись к нашим старым привычкам, но я слушаю вполуха, потому что через окно вижу, как парень из «Сделок» переходит улицу, направляясь к «Сахару».

Я с бьющимся сердцем подбегаю к витрине и вскарабкиваюсь на нее.

Молина не подписывали письмо бойкота, и мне всегда было интересно, ведут ли они бизнес со «Сделками». Зная, насколько они ужасны, вероломны и эгоистичны, держу пари, что так оно и есть.

– Он и Молина собирается сделать предложение? – спрашиваю я маму.

Стекло от моего дыхания запотеваает как раз в тот момент, когда он входит в «Сахар».

Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на маму, я замечаю, что она взяла его визитную карточку и изучает ее. Мое тело пронзает внезапная волна страха, как будто сама карточка может причинить ей боль.

– Мама!

Она испуганно роняет визитку.

– Иди одевайся!

Но прежде чем я успеваю пошевелиться, прямо перед «Сахаром» возникает переполох. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как юрист «Сделок» выбегает из пекарни, а сеу Ромарио кричит с порога, чтобы он убирался. Донья Эулалия и Педро изо всех сил пытаются удержать сеу Ромарио, который явно собрался гнать мужчину через всю улицу.

– Ларисса, не заставляй донью Сельму ждать. – Мама щелкает пальцами, чтобы заставить меня сосредоточиться. – Твоя бабушка не хотела бы подводить «Голоса».

– Ты хочешь, чтобы я пошла в «Голоса»? *Сейчас?*

Должно быть, она замечает панику в моих глазах, потому что ее лицо немного смягчается.

– Они не могут заставить меня продать «Соль». Понимаешь? Я не собираюсь продавать «Соль».

– Я знаю, но что, если он вернется? Я должна быть здесь, чтобы защитить «Соль». – От страха мои мысли кружатся в каком-то вихре. – Я думаю, что должна начать помогать тебе. Он, наверное, считает, что ты совсем одна. Но с этого момента я поддерживаю тебя. «Соль» – это и мое дело.

Я хватаю тряпку для мытья посуды, чтобы начать вытирать столы, но мама вырывает ее у меня.

– «Соль» не для тебя! – Мама повышает голос. – Это не твое дело.

– Но...

– Мы с твоей бабушкой усердно трудились, чтобы тебе не пришлось работать в «Соли». Школа – вот твое дело. В этом году у тебя вступительные экзамены, а я что-то не вижу, чтобы ты прилежно училась. Может быть, тебе наплевать на мои жертвы, но неужели ты не считаешься с жертвами своей бабушки?! Она всю жизнь боролась, чтобы обеспечить тебе то, чего у нее самой не было! Лучшее будущее! Как ты сможешь стать первой Рамирес, поступившей в университет, если не проявляешь самоотверженности?

Я чувствую, как подступают слезы, но делаю глубокий вдох, чтобы их сдержать.

– Мне не все равно, – тихим голосом возражаю я, чтобы еще больше не расстраивать маму. – Я буду больше учиться. Начну прямо сейчас.

– Нет, ступай в «Голоса». – Мама трет переносицу, как будто пытается унять головную боль. – Донья Сельма ждет. Будешь заниматься, когда вернешься домой.

– Хорошо, – сдаюсь я, проходя мимо мамы к лестнице.

– Лари, подожди.

Я останавливаюсь на нижних ступеньках.

Она вздыхает.

– Я не хотела на тебя кричать.

– Я знаю. – Я пытаюсь улыбнуться, чтобы успокоить ее сердце.

Никто из нас не знает, как жить без бабушки, но нам придется найти способ стать сильнее, особенно сейчас, когда «Сделки-Сделки» рыщут у нашего порога.

9

СУББОТА, 23 АПРЕЛЯ

Обычно улицы были бы полны туристов, которые приезжали сюда прямо из аэропорта в Ресифи²⁸. Я выросла, наблюдая, как они направляют свои камеры на все, от свернувшихся калачиком сонных ленивых кошек на пороге boteco²⁹ до воздушных змеев в небе.

Но единственные туристы, которых я вижу по пути к автобусной остановке, – это две женщины, которые задержались у ателье, делая селфи перед висящими зонтиками для фрево³⁰. И это примерно все.

У меня в груди возникает неприятное чувство, я беспокоюсь, что «Сделки-Сделки» снова что-то замышляют. В Олинде приближаются праздничные мероприятия. Праздники в честь святого Иоанна на северо-востоке проходят с размахом, начинаются с мая и продолжаются до июля. Что, если супермаркет организует свое мероприятие и перетянет торговлю на себя? Достаточно ли бойкота, чтобы обеспечить нам безопасность? Мои соседи отказались покупать в «Сделках», но как насчет туристов?

Мы полагаемся на туристов, чтобы стимулировать местную экономику. Это твердят даже маленькие дети в округе, прежде чем узнают, что означает слово «экономика». Но непохоже, чтобы туристы вообще знали о нашем затруднительном положении. А если узнают... Будет ли это что-нибудь для них значить? Поддержат ли они нас?

Я иду по улице, и мне хочется плакать оттого, что я замечаю все, что не хотела видеть в прошлом году, когда здоровье бабушки начало ухудшаться.

Пустых витрин становится все больше и больше. Оставшиеся магазинчики, в большинстве из которых торгуют кружевами и кожаными сандалиями, кажутся заброшенными, их двери и окна широко распахнуты, как будто они пытаются привлечь новых покупателей и туристов так же, как в душные дни приглашают внутрь прохладный морской бриз.

Тем временем появились новые предприятия. Помодней. Пришлые люди захватывают в районе заведения, которые когда-то принадлежали бабушкиным друзьям. Лавка старого флориста теперь превратилась в магазин по продаже дизайнерских солнцезащитных очков.

Солнцезащитных очков!

Все вокруг так быстро меняется. Слишком быстро. Это заставляет меня чувствовать себя беспомощной, как будто я подвожу бабушку.

Она выросла в этом районе. Знала его как свои пять пальцев. И все же во время наших прогулок она всякий раз останавливалась у церкви и смотрела на простирающийся до горизонта сине-зеленый Атлантический океан, как будто любовалась открывшимся видом впервые. Как будто она была туристкой, указывающей на каждую деталь, которая привлекла ее внимание, на каждую мелочь, которая заставила ее улыбнуться.

Когда я спросила ее, почему она так делает, она сказала, что важно снова и снова влюбляться в свой район.

Странно возвращаться в «Голоса» без бабушки.

Каждое субботнее утро мы приезжали сюда, чтобы доставить партию хлеба, а мама оставалась, чтобы позаботиться о «Соли». Бабушка часто задерживалась на несколько часов, болтая с доньей Сельмой, в то время как я помогала волонтерам с играми и мероприятиями в детском саду.

²⁸ Ресифи – город и муниципалитет в Бразилии, столица штата Пернамбуку.

²⁹ Boteco (*португ.*) – бар.

³⁰ Фрево – зажигательный уличный бразильский танец, который танцуют с маленькими яркими зонтиками.

Когда я вхожу внутрь, донья Сельма выходит из кухни.

У меня перехватывает дыхание.

Сегодня она в том светло-желтом, выгодно оттеняющем ее темно-коричневую кожу платье, которое подарила ей бабушка. Она говорила, что этот цвет выглядит так, словно в нем заключен весь солнечный свет мира.

Воспоминание заставляет меня улыбнуться, и в то же время мне хочется плакать.

Следом за ней из кухни выходит мужчина, на его рубашке поло написано «*Сильвейра Констракшн*». Он и донья Сельма пожимают друг другу руки, и она разочарованно улыбается.

– Мне жаль, что я больше ничем не могу помочь, сеньора, – выходя, говорит он.

Она замечает меня, и ее глаза загораются.

– Лари! Ты здесь! – Заметив у меня в руках коробку с хлебом, она упирает руки в бедра. – Я же говорила Элиси, чтобы она не беспокоилась. Вы, женщины Рамирес, такие упрямые. Но спасибо вам. Я очень ценю это.

Я заглядываю через ее плечо в кухню. Кажется, будто по комнате пронесся ураган. Повсюду лужи. Вся мебель сдвинута в сторону, покрыта пылью, в то время как часть стены и облицовочной плитки разворочены, обнажая трубы, и напоминают зияющую рану.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Такой беспорядок, я знаю. Некоторое время у нас были проблемы со старыми трубами, но мы все откладывали ремонт. И теперь нас настигли проблемы. Я чувствую, что где-то здесь таится жизненный урок, верно? – грустно усмехается она.

– Как же вы готовите для детей?

Донья Сельма бросает скорбный взгляд на плиту.

– Мы здесь ничего не можем приготовить. Я приношу немного еды, которую готовлю дома, но, видит бог, мне следует держаться подальше от плиты. Нас в значительной степени поддерживают пожертвования, сейчас больше, чем когда-либо.

Она выводит меня из кухни.

Это катастрофа. Большинство семей полагаются на то, что «Голоса» – это бесплатный дневной уход в течение всего дня. Как они будут жить дальше, если не смогут кормить детей?

– Что вы собираетесь делать? – спрашиваю я.

– В данный момент я собираю сметы цен от строительных компаний, но мы пока ничего не можем себе позволить. – Она успокаивающе сжимает мое плечо. – Не волнуйся. Возможно, мы устроим мероприятие по сбору средств. Может быть, посиделки с общественными лидерами и владельцами малого бизнеса?

Я не могу ничего поделать, но чувствую, что подвела «Голоса». Я так давно сюда не приходила.

– Мне действительно жаль. Я хочу помочь.

Донья Сельма берет у меня из рук коробку с хлебом.

– Ты уже помогаешь.

До нас доносятся голоса детей, играющих на задней площадке, и внезапно мои глаза затуманиваются от слез. Донья Сельма улыбается, притягивая меня в объятия.

– Как ты сегодня утром, дорогая? – спрашивает она. – Прошлый вечер выдался нелегким. До меня уже дошли слухи о встрече в офисе Ромарио... Жаль, что я не смогла остановить твою маму, но думаю, что Элиси нужно было поставить точку.

– Точку? Больше похоже на то, что она хотела все поджечь.

– Что, так плохо?

– Плохо – это мягко сказано. – Я выпускаю долгий вздох, и она бросает на меня понимающий взгляд. – Но я больше беспокоюсь о будущем «Соли». Такое чувство, что бабушка была последней силой, которая оберегала нас.

Я рассказываю ей о сегодняшней утренней встрече с юристом «Сделок», и пока донья Сельма слушает, выражение ее лица становится все более и более серьезным. Когда я заканчиваю, она берет мои руки в свои.

– Джульетта знала, что это возможно, – говорит она. – Пусть это тебя не пугает. Этого они и хотят – заставить нас всех чувствовать себя загнанными в угол. Но ты не одинока, Лари. Против них объединилось целое сообщество.

Первые слезы катятся по моим щекам.

Наши финансовые проблемы для меня не новы – они стали очевидны примерно в то же время, когда появились первые признаки бабушкиной болезни. В январе прошлого года. Ровно через год после того, как появились «Сделки-Сделки».

Бабушка хотела работать в «Соли», как будто ничего не случилось, но она не могла продолжать работать по-прежнему. У нее кружилась голова, и она так хотела спать, что глаза у нее закрывались, даже когда она месила тесто. Она упрячилась, всегда говорила, что все в порядке, пока не упала в обморок.

Мы срочно отвезли ее в больницу. А потом...

Что ж, это видели все. Бабушка заболела. Она стала все чаще и чаще ходить к врачам. Бывали дни, когда «Соль» даже не открывалась. Мы либо были в больнице, либо бабушка была слишком измотана, чтобы работать, а мама не отходила от нее ни на шаг.

Я отчаянно хотела что-нибудь сделать, чтобы помочь. Я могла бы просто работать за прилавком, поскольку все, кого мама пыталась нанять, просили больше денег, чем она могла предложить. Но мама каждый раз отмахивалась от меня, повторяя свою мантру: «Ты будешь первой Рамирес, которая поступит в университет!» И, по ее словам, именно туда должна была направляться вся моя энергия, даже если мой собственный дом начинает разваливаться у меня на глазах.

Когда дела в пекарне пошли совсем плохо, бабушке пришла в голову идея подать заявление в Гастрономическое общество, престижную кулинарную школу и кулинарное объединение. Если бы ее приняли в ученицы, даже при том, что она была достаточно хороша, чтобы быть инструктором, она смогла бы принять участие в их большом ежегодном кулинарном конкурсе. В том конкурсе, который транслируется по телевидению и меняет жизни людей. Победители открывали собственные рестораны и получали звезды Мишлена!

Бабушка говорила, что это то, что нужно «Соли». Быть нанесенной на карту.

Как будто это был единственный способ удержать нас на плаву.

Но вступительный экзамен проводился три месяца назад, как раз когда бабушка почувствовала себя по-настоящему плохо. Ее не приняли. Мама была в ярости, что такому опытному пекарю, как бабушка, отказали.

– Что нужно «Соли», так это получить лучшие возможности для организации питания, чтобы дать нам толчок и вывести на потенциальных новых клиентов, – говорила мама. – Мы не можем связывать наши надежды с мечтами, с вещами, которые нам неподвластны, такими как кулинарные конкурсы.

Но не было никаких кейтеринговых мероприятий, за исключением того, которое украл у нас «Сахар».

В марте бабушку пришлось положить в больницу, и «Соль» совсем закрыла свои двери. Тем не менее бабушка продолжала учиться, чтобы поступить в Гастрономическое общество, надеясь попытать счастья в следующем году. Последние несколько дней в больнице бабушка постоянно раскладывала на кровати свои рецепты, изучая их при любой возможности.

Но ей так и не довелось увидеть, как осуществится эта мечта.

Я рыдаю в объятиях доньи Сельмы. Она прижимает меня к себе, поглаживая мою спину.

– У бабушки было так много мечтаний, – говорю я, и мое сердце разбивается на миллион кусочков. – Был ли когда-нибудь... Был ли когда-нибудь хоть какой-нибудь шанс? Или она была просто мечтательницей, как говорила мама?

– Нет ничего плохого в том, чтобы мечтать, любимая. Твоя прабабушка Элиза тоже была мечтательницей. Разве она не мечтала, что гостиница, которую она унаследовала, однажды превратится в пекарню? Она мечтала построить дом для себя и Джульетты. Дом, который теперь принадлежит твоей матери и тебе самой. Несмотря ни на что, сейчас ты здесь, воплощаешь мечту этой женщины.

Донья Сельма удерживает меня за плечи, заставляя посмотреть на нее. Когда я встречаюсь с ней глазами, я почти могу позволить себе найти утешение в ее словах. Но как мечта сможет выжить перед лицом стольких препятствий?

10

ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 АПРЕЛЯ

В понедельник утром учительница Карла Пиментель хлопает в ладоши, чтобы разбудить сонных учеников.

– Слушайте! – говорит она. – Я знаю, что все переживают из-за последнего теста, но у меня есть для вас хорошие новости. Я поговорила с несколькими обеспокоенными родителями и подумала, что было бы неплохо дать каждому из вас шанс заработать дополнительные баллы.

Пиментель смотрит на меня, и у меня в животе появляется неприятное чувство, что она говорит это специально для меня. Обеспокоенные родители? Очень похоже на то, что речь идет о моей маме.

– Итак, вот вам небольшой тест, – говорит она, поворачиваясь, чтобы написать на доске уравнение. – Тот, кто сумеет его решить, может получить дополнительное очко к тесту за прошлую пятницу.

К тесту, который я бросила, не доделав, чтобы пойти на похороны бабушки. У меня скручивает желудок. Я не хочу, чтобы мои учителя, особенно Пиментель, думали, что мама вынуждена контролировать мои оценки. Математика в любом случае – мой лучший предмет, и я даже участвую в межшкольных математических олимпиадах.

Диего, Паулина и Талита вскакивают. Я думаю, конец семестра – это своего рода тревожный звонок для всех. Луана встает и подходит к доске, как модель на подиуме. Проходя мимо моего стола, она задирает нос, и ее «конский хвост» в стиле Арианы Гранде³¹ раскачивается как маятник, едва не хлестнув меня по лицу.

Сколько бы я ни отказывалась от этого – и как бы неловко мне ни было это признавать, – я хочу, чтобы мама мной гордилась. Она с первого класса переживала за мои оценки. Я понимаю, что это просто ее способ сказать, что она любит меня, но снова и снова я задаюсь вопросом: есть ли для меня что-то большее, чем подготовка к олимпиадам по математике и вступительным экзаменам? Для мамы единственное, что имеет значение, – чтобы я проложила путь к университету, стала *первой* Рамирес, поступившей в университет, – даже если я не уверена, что это то, чем я хочу заниматься...

Я тяжело вздыхаю, беру синий маркер и начинаю писать рядом со своими одноклассниками. Мы все работаем в постоянном темпе, терпкий запах маркеров обжигает изнутри мои ноздри, и каким бы ржавым ни был сегодня мой разум, моя рука двигается, как дань мышечной памяти.

Через короткий промежуток времени я начинаю чувствовать оцепенение. Оцепенение – это хорошо, верно?

Мои руки замирают.

В пятницу вечером на кухне «Соли» я испытала нечто противоположное. Я почувствовала себя ближе к бабушке, чем когда-либо прежде. До того, как я обожглась маслом, я ощущала эту связь. Что-то произошло. Что-то, чего я не могу объяснить, как будто приготовление пищи связало меня с ней.

Хихиканье возвращает меня в реальность. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как мои одноклассники бросаются к окнам. Пиментель отрывается от выставления оценок за своим столом, ее большие очки сползают на кончик носа.

– Что происходит? – встревоженно спрашивает она.

– Там на улице Педро убегает от вахтера! – объявляет Луана.

³¹ Ариана Гранде (Ариана Гранде-Бутеера) – американская певица, актриса, автор песен, музыкальный продюсер, обладательница премии «Грэмми».

Педро – *что?*..

Я присоединяюсь к остальным у окна.

Наш класс находится на втором этаже, и сначала я вижу только узкую дорожку между задней частью школьного здания и забором. Затем замечаю вахтера, сеу Висенте, бегущего с журналом посещаемости в руке. Он всегда дежурит у школьных ворот, записывая имена детей, которые опаздывают или пытаются прогулять занятия. Многие из нас годами оттачивали способы его избегать.

Когда сеу Висенте скрывается из виду, Педро выходит из своего укрытия на другом конце здания, волоча за собой лестницу, и все ликует, как будто он – Индиана Джонс, спасшийся от гигантского валуна.

Я закатываю глаза.

– Педро Молина, не смей! – кричит Пиментель. – Спускайся сию же минуту! Я серьезно! Не лезь в мой класс!

Я возвращаюсь к доске, пытаюсь заняться делом, но из-за того, что все подбадривают Педро, а Пиментель пребывает на грани истерики, я не могу сосредоточиться на решении последней части уравнения.

– Учительница, блудный сын вернулся! – слышу я его голос за спиной.

Его поклонники – я имею в виду его друзей – подбегают, чтобы втащить Педро через окно. Они потрясены и приветствуют его возвращение в школу. Некоторые вроде Луаны замирают с влюбленными глазами. Пиментель выглядит измотанной, как будто она вот-вот упадет в обморок.

– Ты прямо как Ромео, – лучась улыбкой, произносит Луана. В пятом классе у них был роман. Все говорят, что однажды они снова будут вместе.

Кого это волнует?

Он драматично берет ее руку и целует тыльную сторону ладони.

Луана выглядит так, словно вот-вот растает.

С меня хватит. Я отворачиваюсь и прикусываю нижнюю губу, пытаюсь снова включиться в работу. Но мысленный образ Педро, примостившегося на подоконнике, все еще сидит в моей голове, как угревая сыпь.

– Что. За. Гений, – бормочу я.

И тут же я понимаю, что привлекла его внимание.

– Что? – переспрашивает он у меня за спиной.

Я резко вдыхаю, но Пиментель делает ему выговор, прежде чем я успеваю что-то сказать.

– Педро, иди к директору, – говорит она. – То, что ты сделал, неприемлемо! Ты мог упасть и сломать себе шею!

– Если решишь уравнение, можешь получить дополнительный балл, – говорит ему Луана, и он одаривает ее улыбкой.

– Ступай к директору, – повторяет Пиментель, но Педро все еще смотрит на уравнение над моей головой.

Теперь, когда его лицо не испачкано тортом, я понимаю, что он немного изменился. Светло-карие глаза у Молина обычно яркие и озорные, как будто его мозг постоянно ищет хороший ответ. Но теперь они остыли. Взгляд затвердел. В этих глазах сквозит всепоглощающая усталость, и она, кажется, не только физическая. Куда бы он ни ездил в последние несколько недель, похоже, это была не очень хорошая поездка.

Когда он убирает челку со лба – он серьезно нуждается в стрижке, – его взгляд возвращается ко мне. Я отвожу глаза, пока он не решил, что я на него пялюсь.

– Можно, я его решу? – спрашивает он учительницу.

– Ты хочешь решить уравнение? – Пиментель, похоже, приятно удивлена.

– Я пропустил несколько тестов, и мне действительно нужна дополнительная оценка. Можно мне его решить?

Он смотрит на нее щенячьими глазками. Остальные поддерживают его, умоляя ее позволить. Пиментель поправляет очки, и по ее лицу пробегает легкая тень тщеславия. Она, кажется, на секунду забывает о том, как нахально он ворвался в класс, и просто гордится собой: наконец-то она *всех* заинтересовала математикой.

– Ну... – она колеблется, но потом улыбается. – ...давай.

Педро хватается маркер и пристраивается рядом со мной, чтобы начать работать.

– Но ты отправишься к директору, как только закончишь... – Голос Пиментель тонет в радостных возгласах друзей Педро.

Его рука так и порхает по доске, когда он решает строку за строкой. Он сообразителен, как и всегда. Даже Пиментель выглядит ослепленной. Это напоминает мне о всех тех случаях, когда она пыталась убедить его вступить в математический клуб. К счастью, он этого так и не сделал. Он знал, что я тоже буду там.

– Держу пари, я смогу закончить это раньше тебя, даже несмотря на то что пришел позже, – шепчет он мне.

Значит, он думает, что может бросить мне вызов?

– Давай.

Позади нас одноклассники начинают делать ставки, и наше соперничество возвращается, как будто оно никогда и не исчезало.

11

ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 АПРЕЛЯ

Школа – наш с Педро способ продолжать вражду наших семей.

В дни тестов мы соревнуемся, кто наберет больше баллов. Во время занятий в спортзале мы всегда в разных командах. Даже во время обеда мы соревнуемся, кто первым встанет в очередь в кафетерии. Вечно соревнуемся. Вечно пытаемся доказать свою правоту.

Сегодняшнее поле битвы – белая доска.

– Ты точно знаешь, как устроить сцену... – бурчу я себе под нос.

Педро выдыхает.

– Я не собирался ничего говорить, но, говоря о сценах, не хочешь объяснить, зачем ты врезалась в меня тем вечером? – спрашивает он, наклоняясь, чтобы его было слышно сквозь все аплодисменты позади нас. От одного звука его голоса у меня по коже бегут мурашки.

– Ты имеешь в виду, когда я *случайно* с тобой столкнулась? – бросаю я на него многозначительный взгляд.

– Это действительно была случайность? – косится он на меня.

Меня бесит, что я чувствую на его одежде запах гуавовой глазури из пекарни его семьи, потому что мы стоим так близко, зажатые между одноклассниками и доской.

– Оставь меня в покое. – Я слегка толкаю его плечом, чтобы между нами было больше пространства, но в итоге выбиваю у него из рук маркер.

Наши одноклассники начинают обвинять меня в жульничестве.

– Клянусь, я не... – начинаю я, но Пиментель, глядя на меня, качает головой.

– Никаких драк, – предупреждает она.

Мои щеки вспыхивают от смущения. Отлично. Теперь даже Пиментель встала на сторону Педро.

Педро хватает другой маркер, бросая на меня убийственный взгляд из-под челки.

– Это тоже была случайность? – спрашивает он.

– Да.

– Тогда почему я не слышу извинений?

Он их не заслуживает. Но я знаю, что он просто использует это против меня, если я откажусь.

– Извини, – тихо говорю я, слова вырываются, как вырванные зубы. – И насчет торта – мне тоже жаль.

Педро усмехается.

– Нет, тебе не жаль.

Кровь в моих венах похожа на жидкий огонь.

– Я знаю, что такое ответственность, в отличие от тебя. Ты же отказываешься признать, что саботируешь мою семью. Я-то знаю, что твоя семья придумала эту ложь о крысах на кухне «Соли», чтобы украсть у нас свадебный заказ!

Педро выглядит так, как будто собирается возразить, но наши одноклассники позади нас шумят все громче. Теперь они болеют за Диего, который, кажется, наконец-то на правильном пути в решении уравнения. Он так счастлив, что делает драматический круг по классу, чтобы насладиться ажиотажем.

– Так вот почему ты в меня врезалась? – Он утверждает, а не спрашивает. – Я знал, что ты бываешь мелочной, но никогда не думал, что ты... не важно. – Он усмехается. – Мы не крали у вас клиентку. Она с нами контактировала. Ей тогда понадобился еще один поставщик тортов и пирожных. Мы просто выполнили свою работу.

– Но я видела, как ваши пекари загружали в фургон *эмпадиньяс*. Не отрицай!

– Знаешь что? У «Соли» нет патента на эмпадиньяс. Любая пекарня может...

Диего на радостях делает сальто и врывается в первый ряд парт. Позади нас поднимается большая суматоха по его спасению.

– У «Соли» и «Сахара» всегда был договор, и ты это знаешь, – говорю я. – Это такая черта Молина – наносить удар в спину, когда человек больше всего уязвим. Бабушка всегда говорила, не доверяй ни сковородкам с тонким дном, ни семье Молина...

Педро выглядит немного озадаченным. Я не знаю, слышал ли он это высказывание раньше, но, кажется, на этот раз я его достала.

Некоторое время он молчит, поднимает руку, чтобы продолжить решать свое уравнение, но выдыхает и поворачивается ко мне.

– Хочешь верь, хочешь нет, но это действительно была разовая ситуация. Клиентка заказала эмпадиньяс в «Сахаре», потому что в последнюю минуту не нашлось замены «Соли». Это не наша вина.

– Как удобно, – медленно произношу я. – В таком случае, возможно, мы начнем предлагать свадебные торты и нашим кейтеринг-клиентам!

– Время почти вышло! – объявляет позади нас Пиментель. – Диего, с тобой все в порядке?

– Вы считаете нас предателями, но знаешь, о чем я начинаю думать? – Педро понижает голос до сердитого шепота: – Я думаю, вы завидуете «Сахару». Сначала я подумал, что, когда я нес свадебный торт, тебя послала твоя мать. Но, кажется, месть – это больше по твоей части.

Его слова жалят.

Ненавижу самодовольное выражение его физиономии, когда он думает, что раскусил меня и мои гнусные планы уничтожить его семью.

Ненавижу, как он ухмыляется.

Все в нем ненавижу. Даже челку, которая постоянно падает ему на глаза.

– Как ты смеешь подвергать сомнению мою мораль, когда все знают, что твоя семья даже не подписала бойкот против «Сделок»? Кстати говоря, что было нужно этому юристу в «Сахаре»?

Наши одноклассники снова болеют за Педро, подначивая его закончить уравнение раньше меня. Он немного переоценивает ситуацию, одаривая их фальшивой улыбкой. Но когда он снова смотрит на меня, я понимаю, что застала его своим вопросом врасплох.

– Откуда ты знаешь, что он приходил? – шепчет он.

– Я видела, как он выходил из «Сахара».

– А я видел, как он выходил из «Соли», – парирует он с видом «ну что, попалась?!».

Долгую секунду мы смотрим друг на друга, его дыхание колышет пряди челки.

Ему не нужно ничего говорить. Я знаю, когда он пытается скрыть, что волнуется. Он самый высокомерный человек в Олинде, поэтому он не расспрашивал бы меня о «Сделках», если бы не боялся за «Сахар». Этот юрист, должно быть, тоже сделал им предложение.

Мы пристально смотрим друг на друга, а потом возвращаемся к работе.

Я почти заканчиваю решать и тут замечаю, что маркер Педро начинает давать сбой. Он ругается себе под нос, меняя еще несколько сухих маркеров.

Я удваиваю скорость, дописывая последнюю строку уравнения. Я уже предчувствую вкус победы, когда рука Педро внезапно пересекает мое поле зрения в попытке дотянуться до маркера справа от меня.

– Смотри, что делаешь! – жалуясь я.

Когда Педро наконец отодвигается, я понимаю, что он натворил. Стер плечом половину моего уравнения. И теперь переводит взгляд с испорченной работы на мое лицо, и его рот превращается в фальшивую, преувеличенную букву «О».

Я до боли сжимаю в руке маркер.

– Педро, ты сделал это нарочно? – спрашивает Пиментель, заглядывая мне через плечо.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее.

– Да!

– Прости, – говорит он, положив руку на сердце, и едва сдерживаемая ухмылка приподнимает уголки его рта. – Серьезно, Ларисса. Я не хотел.

– Лжец! – протестую я.

– Лари, он уже извинился, – одергивает Пиментель. – Продолжайте, оба. У вас осталась одна минута.

Дрожа от гнева, я спешу закончить ту часть уравнения, которую стер Педро. Не могу поверить. Он едва вернулся, а уже превратился в кошмар.

– Теперь ты знаешь, каково это, когда кто-то разрушает твою работу, даже если это, как ты говоришь, *случайно*, – шепчет он мне.

И прежде чем я сама это осознаю, я провожу рукой по его уравнению и стираю часть.

Аплодисменты стихают. Время будто замирает.

Педро скрещивает руки на груди и прислоняется к доске, как будто все это время пытался добиться от меня именно такой реакции. Его глаза обвиняют: «*Ты мстительная! Что и требовалось доказать*». Как будто это доказательство того, что я подставила ему подножку в пятницу вечером.

К нам спешит Пиментель.

– Ну, хватит. Педро, ты уже получил свои две минуты в центре внимания. Я отведу тебя к директору.

– А как насчет *нее*? – Он возмущенно кивает в мою сторону. – Она просто стерла мое уравнение назло, потому что знала, что проиграет.

Я смеюсь.

– Я побеждала!

– Ребята, это было не соревнование, – говорит уже измученная Пиментель. – Это был просто тест для всех, кто заинтересован в получении дополнительных баллов. – Она чешет в затылке карандашом, рассматривая нашу работу. – Послушайте, вы бы решили это, если бы совместили эту часть решения Лари с той частью решения Педро. Если бы вы помогли друг другу, вместо всей этой борьбы, уравнение было бы решено.

Помогли друг другу?

– Я не знал, что мы можем попросить о помощи, – хнычет Диего.

– Я скорее умру, чем попрошу помощи у Педро Молина, – бормочу я себе под нос.

– Что, Лари? – спрашивает Пиментель.

– Ничего.

Педро свирепо косится на меня. Он-то меня отлично расслышал. Я мечу в него кинжалы своими глазами.

Звенит звонок, и Пиментель идет проверять уравнения других моих одноклассников. Они тоже не успели закончить решение.

Диего падает на колени.

– Пожалуйста, учительница, мне нужен этот дополнительный балл! Мои родители убьют меня, если я не смогу повысить оценку!

Несомненно, уроки Пиментель способны довести до отчаяния.

Она вздыхает в ответ на его мольбы.

– Хорошо, слушайте внимательно. У меня есть идея. Урок окончен, но если вы, ребята, могли бы на минутку объединиться у доски, чтобы объединить свои решения, я дала бы вам всем дополнительные баллы, – говорит она.

Мои одноклассники выжидающе оглядываются на нас с Педро. Но объединиться означает работать с ним, а это... это невозможно. Это *измена*.

– Я не могу с ним работать, – говорю я Пиментель.

– И я не могу с ней работать, – вторит он.

– А можно, остальные решат уравнение вместе, но без Лариссы? – спрашивает Пиментель Луана, утешающе похлопывая Диего по плечу.

Я свирепо смотрю на Луану, и она с вызовом приподнимает идеально выщипанную бровь.

– Нет, *все* должны работать вместе, – говорит Пиментель.

Диего выглядит обиженным.

– Педро, это всего на одну минуту, – умоляет он, сложив руки перед собой. Но, даже несмотря на то что Педро явно сочувствует ему, его ответ по-прежнему отрицательный. Затем Диего поворачивается ко мне: – Пожалуйста? *Пожалуйста?!*

Я чувствую, что все взгляды устремлены на меня. Все ждут моего ответа.

– Прости. Я не могу.

Мои одноклассники раздражаются раздраженным ворчанием, а Диего резко сворачивается на полу в позу эмбриона, выглядя таким же расстроенным, как много лет назад, когда мой домашний леденец отколол ему зуб.

– Ну, раз так, – разочарованно говорит Пиментель, – всем сочувствую. Класс свободен.

12

ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 АПРЕЛЯ

На перемене я переминаюсь с ноги на ногу перед кабинетом директора.

Пиментель все еще там, с директором и с Педро. Я прекрасно знаю, что такое *беседы* с директором Оливейрой, но перерыв почти закончился, и до сих пор нет никаких признаков завершения этой встречи.

– Неудивительно, что никто не хочет с ней дружить, она думает только о себе, – сказала Луана, протискиваясь мимо меня, чтобы выйти из класса.

С тех пор ее слова так и звучат у меня в голове. И подумать только, что в детстве нам нравилось вместе играть в переодевания. Ее мама использует свою гостиную как парикмахерскую, а Луана любила использовать ее кисточки и косметику, чтобы навести красоту, и это превращало нас обеих в попугаев ара; кончики ее пальцев частенько были перемазаны яркими тенями для век, которые оставляли отпечатки пальцев по всей маминной мебели. Она всегда брала всю вину на себя, даже когда я пыталась ее защитить.

Теперь она ненавидит меня. Все ненавидят. Несмотря на то что Педро тоже отказался работать вместе.

В ожидании я хватаю телефон, притворяясь, что пишу кому-то. Жалкая попытка игнорировать одноклассников, которые, проходя мимо, шипят в мою сторону: «Соленая!»

Неудивительно, что никто не хочет с ней дружить.

Мои глаза начинают наполняться слезами. Хотела бы я, чтобы меня не волновало, что думают эти хулиганы. Но приходится признать, что мне не все равно. Нужно исправить эту катастрофу. Кроме того, мои одноклассники не должны платить за последствия моей вражды с Педро.

Я уже обгрызла все ногти на пальцах, и тут дверь наконец открывается.

Я мельком вижу спину Педро и выражение лица директора Оливейры, которая смотрит на него так, словно пытается решить сложную головоломку.

Пиментель выходит и прикрывает за собой дверь. Кажется, с Педро директор еще не закончила.

– Я хотела извиниться за то, что произошло, – говорю я. – За то, как я вела себя на вашем уроке.

Она, кажется, удивлена, увидев, что я задержалась в коридоре, но улыбается.

– Лари, я ценю твои извинения.

– Я хотела спросить... Есть ли... Я не знаю... Есть ли какой-нибудь способ, чтобы вы могли пересмотреть предоставление дополнительных баллов? – Я чувствую, что мои щеки уже горят от неловкости, но быстро добавляю, прежде чем Пиментель подумает, что я эгоистична: – Я спрашиваю не для себя, а для одноклассников. Могут ли они еще как-то получить академические кредиты?

Она наклоняет голову.

– Почему ты не стала работать с Педро, когда я тебя попросила? Это же было всего-навсего уравнение.

Я бросаю взгляд на дверь кабинета директора за ее спиной.

– Потому что он мой враг.

Пиментель поднимает брови, на ее лице написано разочарование. Это не тот взгляд, который я обычно получаю от учительницы. Ненавижу это. Такое чувство, что я только что схлопотала плохую оценку.

– *Враг* – сильное слово, – говорит она.

Я вспоминаю, как в прошлую пятницу мама кричала на сеу Ромарио. Вспоминаю о кричащей на нас донье Эулалии. Вспоминаю все слухи, ложь и обвинения.

Это не просто соперничество. Пиментель не понимает. Я пожимаю плечами.

– Но он именно враг.

Пиментель на некоторое время впадает в задумчивость, в ее очках отражается свет потолочной лампы. Учительница переводит взгляд со своих книг на меня, и на ее лице появляется выражение любопытства.

– А если я скажу, что есть способ, которым ты могла бы помочь своим одноклассникам заработать дополнительные баллы?

Такое чувство, что в моей груди надувается воздушный шарик.

– Действительно? – Я кашляю, чтобы подавить свое волнение. – Я имею в виду, правда?

– Я получила от директора Оливейры просьбу мотивировать больше третьекурсников вступать в наши клубы. Могла бы ты присоединиться к одному из них в обмен на дополнительный кредит? Последние несколько лет ты была так увлечена внеклассными мероприятиями.

Это небольшое преувеличение, но до прошлого года я была президентом математического клуба. В основном я собирала участников, чтобы подготовиться ко всем соревнованиям по математике, в которых мы участвовали в течение первых двух лет обучения в средней школе. Но сейчас я ушла на покой. Если вы – ученик третьего курса, последнего курса перед университетом, вы не остаетесь на внеклассные занятия, *если только* они не являются консультациями перед вступительными экзаменами в университет.

– Я знаю, что это твой год поступления, – добавляет она, словно читая мои мысли, – но мы с директором Оливейрой думаем, что было бы очень полезно показать нашим ученикам, особенно вам, третьекурсникам, что и в последнем учебном году есть нечто большее, чем учеба.

Мама бы с этим *очень* не согласилась...

– Вы дадите всем дополнительный кредит, если я вступлю в клуб?

– Да. В этот конкретный клуб. – Она вытаскивает из учебника флаер. – Встречи проходят только раз в неделю. На самом деле сегодня днем. Так что это не доставит слишком много хлопот. У тебя все равно остаток недели будет свободен для учебы. – Должно быть, она чувствует мои колебания, потому что продолжает: – Они вот-вот потеряют одного из своих членов. И они так завалены обязательствами, Лари. Присоединиться к ним было бы здорово. Что ты об этом думаешь?

Она одаривает меня своей самой лучезарной улыбкой.

Мама никогда не согласится. Все мое свободное время уходит на подготовку к поступлению в университет. Она позволяет мне проводить свободное время только в «Голосах». Даже сон иногда не имеет для нее особого смысла. *Поспишь позже. Ты молодая. Если я позволю тебе смотреть телевизор, ты не будешь спать всю ночь, так почему бы не позаниматься?* Все ради того, чтобы стать первой Рамирес, поступившей в университет.

Я не думала насчет вступления в клуб, но, возможно, в этом году это сможет стать моей каплей свободы.

В понедельник днем. Да, мне нравится, как это звучит.

Маме никто не расскажет.

– Запишите меня, – с улыбкой говорю я.

– Фантастика! – Пиментель сует мне в руку флаер, внезапно заторопившись. – Я знала, что смогу на тебя рассчитывать. И помни, ты должна посещать клуб до конца семестра, чтобы это засчитывалось как дополнительный зачет!

Она уносится быстро, как Джесси и Джеймс, которых вышвыривают за горизонт в конце каждого эпизода «Покемонов».

Я вздыхаю с облегчением. Разговор прошел лучше, чем я ожидала. А до конца семестра осталось всего два месяца.

Я разворачиваюсь, чтобы отправиться на следующий урок, и тут директорская дверь снова открывается.

Я останавливаюсь, затаив дыхание.

– Мы еще не закончили. Пожалуйста, сядь.

– Я уже сказал, что сожалею, – говорит Педро, все еще находясь в ее кабинете. – Вы сделали мне выговор. Отлично. Мне все равно. Теперь я могу идти?

– Сядь.

Голос Педро звучит немного раздраженно. Он всегда строил из себя «слишком крутого для школы», но то, как он сегодня обращается к директору, граничит с грубостью.

Он плюхается в кресло перед ее столом, забыв полностью прикрыть дверь. Я подхожу ближе, прижимаясь к стене.

– ...Не говоря уже о том, что ты отсутствуешь неделями без предупреждения, – продолжает директор Оливейра, как будто перечисляя его преступления. – Не знаю, что с тобой делать.

– Если вы собираетесь меня исключить, лучше не тяните. Мне нужно ехать домой, работать.

– Я не собираюсь тебя исключать, – говорит директор.

– Почему нет?

– Что ты имеешь в виду под этим «почему нет»? – Она делает паузу, и я могу сказать, что она понимает его лучше, чем ему кажется. – *Filho*³², как же иначе я вручу тебе диплом и рекомендательное письмо в Гастрономическое общество?

Что? Педро хочет вступить в Гастрономическое общество? Я понятия не имела. Разве он не золотой мальчик «Сахара», *вундеркинд*? Зачем идти в кулинарную школу, если он и так хвастается, что он – лучший повар в городе?

– Я больше не собираюсь подавать заявление, – беспечно говорит он.

– Что заставило тебя передумать? В прошлый раз, когда мы беседовали, ты говорил, что собираешься рассказать об этом своей семье.

– Я так и сделал.

Она кажется удивленной.

– И?

– И... – Я вижу, как Педро барабанит пальцами по подлокотнику кресла. – Все прошло так хорошо, что дедушка меня выгнал, – говорит он фальшиво веселым тоном.

Я начинаю пятиться из кабинета директора, меня переполняет ощущение, что я вторглась слишком далеко. Так вот почему он исчез. Я ненавижу Педро, но... как сеу Ромарио мог выгнать собственного внука? Что плохого в желании вступить в Гастрономическое общество?

Я все еще нахожусь в коридоре, когда из кабинета директора, едва не врезавшись в меня, вылетает Педро. На секунду он кажется растерянным, возможно, даже смущенным. Затем достает из кармана брюк и надевает солнцезащитные очки.

– Неужели ты так сильно соскучилась, что теперь шпионишь за мной? – говорит он с ухмылкой, проталкиваясь мимо, прежде чем я успеваю ответить, и заставляя меня уронить клубный билет, который дала Пиментель.

– Соскучилась я по нему... – ворчу я себе под нос.

Раздается звонок, и ученики спешат по коридору обратно в классы. Я наклоняюсь за упавшим билетом. Едва коснувшись его кончиками пальцев, вижу слова:

КУЛИНАРНЫЙ КЛУБ

Президент: Педро Молина

³² Filho – сынок (португ.).

13

ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 АПРЕЛЯ

Во время оставшихся занятий я с трудом могла сосредоточиться. Будто едва моргнула – и внезапно наступает конец дня, и я стою в кафетерии, сжимая в руке смятый флаер кулинарного клуба.

Даже не знаю, зачем я это делаю. Непохоже, что я смогу завоевать Луану, Диего и остальных с помощью дополнительных кредитов, как делал Педро при помощи пончиков со сливочным кремом из «Сахара», когда мы были детьми.

И вообще, я не могу вступить в клуб, где Педро является президентом. Мне нужно просто забить и свалить домой. Может быть, если я продолжу умолять Пиментель на этой неделе, она позволит мне вступить в какой-нибудь другой клуб.

Я собираюсь покинуть кафетерий, когда из кухни до меня доносится смех. Кто-то включает музыку. А потом раздается рев блендера. Восхитительная кухонная какофония, напоминающая мне о том, как звучала «Соль», когда бабушка была рядом...

Перед тем как уйти, я решаю заглянуть на кухню.

Просто взгляну. Это мне не повредит. Бабушка научила меня воспринимать кухни как некие волшебные места, где все превращается в аппетитные воспоминания. Я только посмотрю, что за магию они творят в кулинарном клубе. Это не значит, что я останусь.

В тот момент, когда я переступаю порог кухни, у меня возникает такое чувство, будто я только что открыла самый удивительный секрет. Как Алиса, проваливающаяся в кроличью нору в Стране чудес, все больше и больше влюбляющаяся в мир, которому, как ей кажется, она не принадлежит. Мне нужно уйти, пока не стало слишком поздно. Но я не могу оторвать глаз от трех учеников в фартуках, собравшихся вокруг металлической столешницы, уставленной вазами со свежими фруктами. Они стоят ко мне спиной, переговариваясь друг с другом, выбирают фрукты и бросают ломтики в блендер. Я замечаю на столе апельсины, клубнику, бананы, виноград, манго, яблоки, груши и орехи кешью. Еще там есть бутылка молока и пакет сахара.

Кажется, они готовили смузи и поспорили, что добавлять в середине смешивания.

Я думала, что, возможно, здесь окажется кто-то из ближайших приятелей Педро, например Луана, но этих троих я не знаю. Не думаю, что они такие же третьекурсники, как я. Может быть, второкурсники?

Я наблюдаю, как девушка пытается отобрать у парня контейнер с клубникой. Она немного ниже меня ростом. У нее гладкое лицо холодного темного оттенка, длинные пряди волос небрежно скручены на затылке. Парень очень высокий – самый высокий в комнате, – с пышными, как у По Дамерона³³, волосами и маленьким пирсингом на ухе; когда он двигается, серебро поблескивает на его смуглой коже.

– Давайте придерживаться рецепта, – говорит девушка, но, несмотря на то, что она удерживает руками блендер, парню все равно удается обогнуть ее и добавить в смузи клубнику. Она разочарованно хрюкает, а ее соперник исполняет победный танец с элементами брега-фанка³⁴, поводя плечами в такт музыке, доносящейся из лежащего на стойке телефона. Я предполагаю, что это его телефон.

Третий член клуба – еще один парень, которому, кажется, гораздо интереснее просто наблюдать за препирательствами других. Он отступает на шаг назад и с удивленным видом опирается локтями о стойку, подперев подбородок руками. Его прямые волосы растрепаны и с

³³ По Дамерон – персонаж киносаги «Звездные войны». Появляется в седьмом, восьмом и девятом эпизодах в качестве пилота Сопротивления и командера эскадрилий. Его роль исполнил актер Оскар Айзек.

³⁴ Брега-фанк – музыкальный жанр, возникший в 2011 году в Ресифи, штат Пернамбуку, Бразилия.

одной стороны головы торчат, как будто он только что встал с постели. Они словно выкрашены в угольно-черный оттенок, из-за чего его белая кожа кажется еще бледнее. Он излучает вайб Тимоти Шаламе³⁵ из «*Маленьких женщин*». Идеал Лори.

Танцующему парню удается еще раз протиснуться мимо девушки и, несмотря на ее протесты, добавить в блендер ложку сахара. Он закрывает крышку и смешивает смузи. Закончив, наливает себе немного светло-розовой смеси и делает глоток. Двое других ждут.

– Misericórdia!³⁶ – кричит он с гримасой, и девушка смеется – живым смехом, который свидетельствует о том, что они близкие друзья, – игриво отталкивая парня в сторону. – Почему эта штука каждый раз получается такой сладкой? *Бью!*

– Я же тебе говорила! – Она одаривает его улыбкой, от которой у нее на щеке появляется ямочка. – Это потому, что ты каждый раз кладешь слишком много сахара. Никогда не следуешь рецептам.

– Конечно, я не должен был добавлять клубнику, но я в точности следовал инструкциям, которые прислал шеф-повар. Это правильное количество сахара...

Бедный Танцующий мальчик выглядит так, будто его явно слегка тошнит, одной рукой он держится за живот.

– Детям, наверное, понравится?.. – с сомнением в голосе спрашивает он.

– Не понравится, – отрезает девушка, хмуро глядя на него. – И шеф-повар никогда не позволит нам подать им что-то не идеально сладкое. Ты его знаешь.

Все трое обмениваются взглядами, которые говорят мне, что они могут сколько угодно препираться, но в этом единодушны. Этот их шеф-повар – перфекционист, и я точно знаю, о ком они говорят. Кто еще мог заставить сокурсников называть его в кулинарном клубе шеф-поваром?

– Он вообще сегодня придет? – интересуется Танцующий мальчик.

– Очень надеюсь, что нет, – случайно произношу я вслух, и все трое испуганно оборачиваются.

– Меня чуть кондратий не хватил! – восклицает Танцующий мальчик, картинно хватаясь за грудь.

Другой парень оживает, ему любопытно, а девушка при виде меня кажется удивленной.

Я делаю шаг назад. Магия в воздухе, которая привлекла меня на эту кухню, начинает исчезать. Я не должна здесь находиться. Все взгляды устремлены на меня, и по моей коже начинают бегать мурашки. Если они дружат с Педро, то в любой момент могут стать враждебными.

– Я не хотела тебя напугать, – заикаюсь я и всерьез подумываю о том, чтобы сбежать, и тут более тихий парень одаривает меня обезоруживающей улыбкой.

– Ты пришла, чтобы присоединиться? – спрашивает он. – Я Виктор.

– Я Синтия, – немного застенчиво говорит девушка.

Виктор выходит из-за прилавка с протянутой рукой, чтобы пожать мою. Так мило и формально. Надеюсь, я не начну краснеть.

Слишком поздно.

– Я Пауло Сезар. Но ты можешь называть меня Пэ-Эс, – говорит Танцующий мальчик, проводя пальцами по волосам, как будто проверяет, в порядке ли они.

С нарастающим головокружением я осознаю, что они меня не знают. Или еще не узнали. Как бы то ни было, я для них не Соленая. Я просто потенциальный новый член клуба.

³⁵ Тимоти Шаламе (Timothy Chalamet) – американский актер театра и кино, получивший известность благодаря ролям в фильмах «Интерстеллар» и «Позови меня своим именем» и сериале «Родина».

³⁶ Misericórdia (*португ.*) – Пощадите.

– Привет, – говорю я, все еще немного волнуясь, и называю свое имя.

– Ты не знаешь, сколько сахара на самом деле нужно класть в смузи? – спрашивает меня

Пэ-Эс.

Я чуть не задыхаюсь.

– Ты меня спрашиваешь?

Он в замешательстве смотрит на остальных.

– А почему нет?

И тут меня осеняет.

Это кулинарный клуб. Где, знаете ли, готовят! Как это вылетело у меня из головы, когда я читала флаер? Мое внимание сосредоточилось на имени Педро, и это все, о чем я могла думать! А теперь все трое выжидающе уставились на меня, ожидая ответа, потому что они не знают, что я никогда раньше не готовила смузи!

Если я скажу что-то не так, уверена, они расскажут Педро, который тут же превратит мою жизнь в кошмар. Я уже слышу эти слухи: *«Истинная Рамирес: даже смузи приготовить не в состоянии!»*

– Смузи получается слишком сладкий, – объясняет Пэ-Эс.

Я взмокла. Мой разум прокручивает тысячу катастрофических сценариев, связанных с блендером.

Но потом я вспоминаю бабушку. Вспоминаю однажды подслушанный разговор между ней и мамой, когда они готовили смузи из манго и кокоса. Бабушка говорила, что, если смешиваешь спелые фрукты, сахар нужно добавлять не всегда.

Я смотрю на фрукты на прилавке. Не уверена, что все они достаточно спелые. Но терять мне нечего.

– Почему бы вам не... – Я кошусь на блендер, и они трое тоже, как будто мы все пытаемся взломать сложный код. – ...не попробовать отказаться от сахара? Спелые фрукты сами по себе достаточно сладкие.

Я удивлена властностью в своем голосе. *Хорошо!*

– Отличная мысль, – говорит Виктор.

– *В самом деле?*

Надеюсь, это звучит не так отчаянно, как я себя чувствую.

Пэ-Эс быстро вываливает содержимое блендера в раковину, ополаскивает его и возвращает на столешницу.

– Хорошо, давайте попробуем суперпростой рецепт, – говорит он, затем добавляет в блендер апельсины, несколько листьев мяты и немного молока. Без сахара. Когда он включает блендер, тот ревет так же громко, как мое беспокойство. Как только все готово, он разливает по четырем стаканам молочно-оранжевое содержимое.

– До дна! – говорит он, и все трое выпивают коктейль одновременно.

Моя рука дрожит, я подношу стакан к губам.

«Если это суп, покажи, как ты его выпьешь», – звенит у меня в ушах насмешка Педро.

На этот раз я делаю глоток. Цитрусовый вкус апельсина окатывает мои вкусовые рецепторы освежающей натурально-сладкой волной.

– Это вкусно! – говорю я, и на этот раз не могу скрыть облегчения в голосе.

– Вкусно! – приподнимая брови, соглашается Синтия.

Виктор кивает, слишком занятый своим коктейлем, чтобы что-то сказать. Это хороший знак, когда дело доходит до еды.

Я все еще не могу поверить, что не произошло ничего плохого. Ничего не пошло не так.

– Ты – гений, указала на эту особенность спелых фруктов, – говорит Пэ-Эс. – Не хочешь попробовать приготовить что-нибудь более замысловатое?

Он уже ведет меня к блендеру.

Моя уверенность внезапно возрастает, и я начинаю добавлять другие фрукты к остаткам в блендере, наполняя его до краев ломтиками манго и клубники, как делала бабушка, когда готовила «летние коктейли» – смесь различных цитрусовых ароматов, которые так хорошо сочетались между собой.

Пэ-Эс, Виктор и Синтия следят за мной широко раскрытыми глазами.

– Да она заклинательница смузи, – шутит Пэ-Эс.

Следуя вдохновению, я беру еще молока и наполняю блендер до краев, чтобы компенсировать все дополнительные фрукты, которые добавила. Кто знал, что смешивание фруктов окажется таким захватывающим? Я смотрю, как все яркие, разноцветные кусочки складываются в блендер, образуя красивую мозаику.

– Извините, я опоздал... – раздается голос позади нас.

Я так потрясена, что наконец нажимаю кнопку смешивания. Без крышки. Содержимое моего шедеврального смузи разлетается во все стороны, окатывая нас с ног до головы.

Виктор бросается к блендеру, чтобы выключить его, но уже слишком поздно. Я медленно оборачиваюсь и натякаюсь на пристальный взгляд Педро Молины. Передняя часть его безупречной формы покрыта кусочками фруктов.

Он снимает со лба кусочек манго.

– Я хочу знать, кто впустил на мою кухню Лариссу Рамирес!

14

ВТОРНИК, 26 АПРЕЛЯ

– Прежде чем вы уйдете, послушайте объявление, – говорит на следующий день Пиментель.

Дежавю. Но не думаю, что нас ждет еще одна проблема с уравнением. Я не рассказывала ей, какой катастрофой обернулась первая встреча в клубе, но сказала, что больше не могу его посещать. Второй раз за неделю – а сегодня только *вторник* – я чувствую, что разочаровала ее.

Если честно, я разочаровала и саму себя. Был краткий момент, когда я почти чувствовала, что принадлежу этому клубу. Впервые я почувствовала себя в школе чуть более непринужденно. Но после катастрофы со смузи, даже если бы Педро там не было, я уверена, что против меня проголосовали бы еще до того, как я успела добавить свое имя в их регистрационный список.

Я бросаю взгляд на Педро. Он до сих пор не сцепился со мной насчет клуба, но я готовлюсь к тому моменту, когда он это сделает. Он выглядел так, как будто я явилась туда, чтобы все испортить. И теперь он, вероятно, замышляет месть.

Он сидит через две парты от меня, ссутулился и уставился на потолочные вентиляторы. Луана хлопает его по плечу и кивает в сторону Пиментель, но он в ответ зевает, а потом надевает солнцезащитные очки, отчего выглядит как пародия на Стива Харрингтона в «*Очень странных делах*»³⁷.

Педро, вероятно, чувствует мой пристальный взгляд, потому что внезапно смотрит на меня, приспустив солнцезащитные очки на кончик носа. Луана прослеживает за его взглядом и одаривает меня собственным, в лучших убийственных традициях.

Я отвожу глаза.

Пиментель продолжает:

– Прежде чем вы уйдете, директор Оливейра попросила меня напомнить, что, если вы еще не начинали, вам следует приступить к подаче заявлений в университет.

Я ахаю, и в мою сторону поворачивается несколько голов.

Игнорируя взгляды одноклассников, я лихорадочно роюсь в своем ежедневнике и натискаюсь на мамин округлый почерк, напоминающий мне, что я должна закончить свои заявления. Она даже нарисовала лицо кудрявой девочки в очках со звездочками вместо глаз. Наверное, это я. Ну, та версия меня, которую она себе представляет, с восторженным взглядом на университет.

Меня накрывает ужасное чувство тошноты. Я думала, у меня больше времени. Диего встревоженно поднимает руку.

– А если я не знаю, какую специальность хочу указать? – Он задает вопрос, который я и сама себе задавала.

Пиментель ободряюще улыбается.

– Понимаю, это трудно, – говорит она. – Определение вашей будущей карьеры – непростая задача, но я предлагаю вам подумать о том, что вы любите. Может быть, так вы найдете ответ.

Я замечаю, как Педро закатывает глаза, но тут же снова прячет их за солнцезащитными очками.

³⁷ «Очень странные дела» – американский научно-фантастический и драматический сериал в жанре ужасов. Стив Харрингтон – персонаж телесериала.

Хотела бы я поговорить об этом с бабушкой. Всего за несколько дней до того, как ее пришлось госпитализировать, мы с ней гуляли. Медленно поднимались в гору к *фейринье*³⁸, ряду киосков перед бело-желтым собором шестнадцатого века, слева распростерся Атлантический океан, темно-синяя вода в морозящих сумерках.

– Ты не сказала Элис, что не хочешь изучать экономику? – ни с того ни с сего спросила меня бабушка.

– Тебе стоит пройти тестирование на телепатию, – пошутила я, направляясь в глубь рынка. – Нет, я ей еще не говорила.

Знакомые ароматы съестного, исходящие от киосков, успокоили мои тревожные мысли, как будто я попала в лабиринт приготовленных на гриле, в панировке и во фритюре лакомств. Акараже³⁹ с креветками. Рыба, приготовленная на гриле, которую поливают соком лайма и подают с кольцами сырого лука. Коксиньяс с рубленой курицей и картофелем. Густой мясной паштет с добавлением оливок. Кокосы и сыр из тапиоки⁴⁰. Французские блинчики, которые готовят по заказу прямо на глазах у покупателей, сворачивают в трубочки и наполняют шоколадным или сливочным кремом.

– Почему нет, дорогая? – спросила бабушка, когда мы проходили мимо киоска доньи Клары, где она в сотый раз отчитывала Изабель за то, что у той снова подгорело растительное масло.

– На днях она водила меня в бухгалтерскую фирму.

– И?

Я остановилась как вкопанная.

– Это было ужасно.

Бабушка ободряюще улыбнулась, взяла меня за руку и мягко повела вдоль киосков.

– Ты должна рассказать ей, что ты чувствовала.

– Не могу.

– Скажи ей, что не хочешь быть бухгалтером, – настаивала она.

Я была благодарна за паузу в разговоре, когда мы подошли к киоску с мисто квенте⁴¹ доньи Валерии, где заказали ее знаменитые сэндвичи на гриле с мортаделлой⁴², измельченным чесноком и липким плавящимся сыром, который тянется, когда его откусываешь. Невзрачная, но такая вкусная еда. Когда ешь эти сэндвичи, так и тянет забыть о манерах. Запрокинуть голову, даже если опасно свисаешь с табурета, чтобы запихнуть в рот весь растянувшийся сыр, как в «Матрице».

Что я могу сказать... невоспитанный из меня гурман, но, по крайней мере, я всегда наслаждаюсь каждым кусочком, смакую его. Так учила меня бабушка.

Но прошло совсем немного времени, бабушка бросила на меня многозначительный взгляд, и я поняла, что она не оставит наш разговор без внимания.

– Когда я думаю о поступлении в университет, чтобы изучать экономику, стать бухгалтером, торчать целый день в такой фирме, – сказала я, размышляя над разительным контрастом между этой мыслью и ароматным кусочком мисто квенте у меня во рту. – На вкус эта идея как... ничто. Пресно.

Я откусила еще кусочек, согреваясь вкусом тягучего сыра.

³⁸ Фейринья – название уличного рынка в Бразилии.

³⁹ Акараже – популярная острая нигерийская закуска из белой фасоли.

⁴⁰ Тапиока – зернистый крахмалистый продукт, получаемый из корней тропического растения маниоки.

⁴¹ Мисто квенте (*португ. misto quente*) – типичная «уличная еда» в Бразилии, горячий бутерброд с начинкой из поджаренной ветчины и плавленого сыра. Между ломтями белого хлеба кладут предварительно обжаренные тонкие ломтики ветчины, переслаивая их сыром. Готовый мисто квенте зажаривают на гриле до румяной корочки.

⁴² Мортаделла – вареная свиная колбаса с фисташками.

– Я знаю, ты хочешь, чтобы твоя мама была счастлива, но тебе тоже нужно быть счастливой. И если бухгалтерия – не для тебя, мама поймет. Не думаю, что она знает, что ты несчастлива.

– Не знаю. Иногда я не понимаю маму. Она говорит, что хочет, чтобы у меня был выбор. Потому что она сама не училась в университете. Но потом она велит мне поступить в университет и стать бухгалтером, как хотел папа. Она хочет, чтобы я была первой Рамирес, поступившей в университет, – вздохнула я. – Она... так давит. И вообще не оставляет мне никакого выбора. Она просто хочет, чтобы я была такой... идеальной.

– Не хочешь быть идеальной?

Я посмотрела на бабушку, и мы обе рассмеялись.

Она сжала мою руку, и я почувствовала прикосновение ее морщинистой кожи. Она мерзла, хотя вечер был теплый. Какая же она хрупкая.

– Просто поговори с ней так, как ты говоришь со мной, – повторила она. – Все будет хорошо. Мама любит тебя. Она просто хочет для тебя самого лучшего.

Я застонала, заранее страшась этого разговора.

– Пока ты рядом, со мной все будет в порядке, – сказала я абсолютно искренне. Это единственное, что я знала наверняка. – Я подам заявление на экономический, как хочет мама. И стать бухгалтером не так уж плохо, не так ли? Займусь налогами в «Соли»! Звучит? Я о тебе позабочусь!

Бабушка посмотрела на меня так, как смотрела с тех пор, как ей поставили диагноз «рак». Так, словно пыталась запомнить мои черты, наслаждаясь моментом. Точно так же она начала смотреть на все вокруг себя. На «Соль». На *фейринью*. На наш район.

Как будто собралась уехать и не знала, сможет ли вернуться.

– Есть кое-что, что я должна тебе объяснить, – сказала она. Зловещий тон в ее голосе был подобен надвигающейся на горизонте буре.

Я знала, что она посещает все больше врачей. Специалистов. Мне не нравилось выражение ее глаз, когда она возвращалась домой после этих визитов.

– Пожалуйста, не думай об этом. Просто будь здесь, со мной, – сказала я.

Я положила голову ей на плечо, держа в руке недоеденный мисто квенте.

Бабушка прижалась своей головой к моей.

– Я здесь, с тобой.

15

ПЯТНИЦА, 29 АПРЕЛЯ

Жареный пирожок с говядиной, который я купила в кафетерии, оказался очень жирным, и в нем было больше воздуха, чем мяса. Откусив кусочек, я откладываю его в сторону. На вкус напоминает слезы дочери и родительское разочарование.

Я открываю на телефоне веб-сайт Федерального университета и просматриваю наполовину заполненную анкету. Не знаю, сколько раз я пыталась ее закончить, но всякий раз сдавалась. К сожалению, поле для указания специальности оставалось пустым достаточно долго, чтобы я поняла: само по себе оно не заполнится.

В конце концов мне придется что-нибудь написать. *Ведь так?*

Пиментель предложила нам подумать о том, что нам нравится, и, возможно, это поможет нам определиться с основным направлением. Но что мне нравится? Я смотрю на лежащий передо мной пирожок. Мне не нравится еда из кафетерия, это точно. Даже самый худший пирожок Изабель в *фейринье* лучше, чем этот.

Мне *нравится* хорошая еда. Может кто-нибудь записать меня просто на покушать? Я выключаю свой телефон.

Внезапно на стулья передо мной плюхаются Пэ-Эс, Синтия и Виктор. Я оглядываюсь по сторонам, ожидая, что Педро наконец выскажет мне все, что думает насчет того, что приключилось на этой неделе в кулинарном клубе, но его нигде не видно. Пэ-Эс бесцеремонно тянется к моему брошенному пирожку и откусывает без спросу. Корчит гримасу.

– Теперь понятно, почему ты это не ешь, – с набитым ртом замечает он.

– Мы пришли с миром, – быстро говорит Синтия, вероятно, заметив мой настороженный взгляд.

– Мы хотим знать, вернешься ли ты в понедельник в клуб, – говорит Пэ-Эс.

В последний раз, когда я их видела, они застыли на кухне, все облепанные кусочками фруктов. Я думала, они никогда больше не захотят меня видеть.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Затем, что ты нам нужна, – говорит Пэ-Эс и наклоняет голову в сторону своих друзей. – Ну, им нужна. Моя семья переезжает в Каруару⁴³ из-за новой работы моего отца, так что я сдаю промежуточные экзамены пораньше и скоро уезжаю. Мы все в курсе, что я незаменим – я знаю, знаю, – но меня вроде как нужно заменить, так что можешь ты занять мое место в клубе или нет?

Они *официально* просят меня присоединиться? Но это же бессмысленно.

– Вы знаете, кто я, верно? – осторожно спрашиваю я.

Пэ-Эс поднимает на меня бровь.

– Знаем. Неуклюжая заклинительница смузи. И, кстати, ты до сих пор не извинилась. Знаешь, как трудно выводить клубничные пятна с белой ткани?

– Я Ларисса Рамирес, – говорю я и быстро добавляю: – Простите меня за тот беспорядок.

– Мы знаем, кто ты, – с застенчивой улыбкой говорит Синтия.

– И все еще хотите, чтобы я вернулась? – Я хмурюсь. – Разве вы не друзья Педро?

– Никто не приходил, пока наконец не появилась ты, – объясняет Пэ-Эс. – Мы очень устрашающий клуб. Он только для сильных, а в этой школе полно трусов, – последнее слово он шипит в сторону группы первокурсников, прогуливающихся неподалеку, и те подпрыгивают. – А это значит, что мы не можем попросить кого-то еще присоединиться. Помогите мне, Ларисса Рамирес. Ты – моя единственная надежда.

⁴³ Каруару – муниципалитет в Бразилии, входит в штат Пернамбуку.

Виктор смеется над отсылкой к «Звездным войнам», Пэ-Эс выглядит весьма гордым собой. Я скрещиваю руки на груди, откидываясь на спинку стула и изучая их, потому что все это слишком здорово, чтобы быть правдой.

– Педро знает, что вы здесь? – спрашиваю я.

Синтия откидывает с плеча косы и наклоняется ко мне с внезапным заговорщическим видом.

– Он сказал, что ничего страшного, если ты присоединишься, – шепчет она.

– Педро... что? – Мой голос звучит пронзительно, и Синтия жестом просит меня говорить тише.

– Он сказал, что ты можешь присоединиться, если будешь держаться подальше, и никому не говори, что он это сказал, и... что еще? А, вспомнила. Действуй практически незаметно, – объясняет Пэ-Эс, делая пассы руками на манер фокусника.

Я моргаю.

– Так сказал Педро Молина?

– Единственный и неповторимый. – Пэ-Эс улыбается, демонстрируя очаровательную щербинку между передними зубами.

– Почему он вдруг смирился? – прищуриваюсь я на них. – Если он говорил вам что-то еще, скажите. Это в отместку за свадебный торт, не так ли?

Все трое в замешательстве переглядываются.

– Что за свадебный торт? – спрашивает Виктор, впервые вступая в разговор.

Это, должно быть, ловушка. Слишком уж они милы.

– Что бы вы ни пытались здесь повернуть, я на это не куплюсь! – говорю я.

Я встаю и ухожу, прежде чем вся столовая превратится в очередной школьный хор, распеваящий обо мне злую песню.

В «Соли» выстроились покупатели, ожидающие своей очереди, чтобы сделать заказ.

Мама сегодня работает на автомате, снует туда-сюда от духовок к корзинкам с хлебом, к кассовому аппарату. Я пыталась ей помочь, схватила щипцы, чтобы достать хлеб из корзинок, но она закричала, что я очень медлительная и доставляю ей в «Соли» еще больше хлопот.

Так что я держусь в сторонке.

Вместо этого я прямо за стойкой делаю домашнее задание, хотя мама жалуется, что на моих учебниках останутся пятна от кофе и еды. Но заниматься наверху, в моей спальне, слишком одиноко. Особенно в пятницу вечером, когда некуда пойти и нет друзей, с которыми можно переписываться, – это ощущается совсем не так, как в другие дни...

Если бы бабушка была здесь, она была бы единственным другом, который мне нужен. Она нашла бы способ убедить маму, что я уже достаточно поучилась. Она заказывала эспетиньос⁴⁴ в киоске сеу Флориано в *фейринье*, и он всегда присылал дополнительные блюда, потому что был в нее влюблен. Болгарский перец и лук на шпажках, политые острым чесночным соусом с небольшим количеством лайма. Эспетиньос из курицы и говядины в беконе. И гарнир из фарофы⁴⁵, чтобы мы могли окунать шампуры и хрустеть касавой⁴⁶, впитавшей мясной сок. Потом мы сидели на тротуаре и смотрели, как приходят и уходят соседи, и мы вместе ели, смеялись и гадали о будущем ее любимых героев теленовелл...

Мне так больно о ней вспоминать. Больше всего на свете.

⁴⁴ Эспетиньос (*португ.* espetinos) – мясо или овощи на шампуре.

⁴⁵ Фарофа – блюдо из поджаренной маниоки.

⁴⁶ Касава – мука из маниоки.

– Saudades⁴⁷, Хулинья, – слышу я, как говорит донья Сельма, называя бабушку ее старым прозвищем, и печаль в ее голосе перекликается с болью в моем сердце. Одной рукой она слегка касается подсолнухов у рецепта пирога фубы.

Она разворачивается и возвращается, чтобы присоединиться ко мне у стойки, заглядывает через плечо в мою тетрадь.

– *Аве Мария!* Ты понимаешь все эти вещи? Эти цифры и символы? – Она притворно вздрагивает, совсем как бабушка.

– Я не фанат геометрии, но да, – говорю я.

– Кажется, это трудно.

– Да нормально.

Донья Сельма внезапно хватается за мое лицо обеими руками и запечатлевает на моей макушке гордый поцелуй, от которого я чуть не падаю со стула. Жест настолько неожиданный, что вызывает у меня невольную улыбку.

– Неудивительно, что твоя мама всегда говорит, что ты будешь первой Рамирес, которая поступит в университет!

Мама выходит из кухни со свежей порцией французского хлеба, восхитительный аромат наполняет пекарню.

– Не хвали ее слишком сильно, донья Сельма, – говорит она. – В последнее время она расслабилась. Даже не смогла пересдать тест, и теперь ее оценка будет выглядеть плохо, что больше похоже на мои оценки, когда я училась в старшей школе, – а теперь угадай, кто не поступил в университет?

Все клиенты, стоящие в очереди, смотрят на меня, и я чувствую, как сжимаюсь от смущения, пока не превращаюсь в песчинку.

– Я все еще первая в классе... – тихонько говорю я.

Мама слишком резко ставит на стол поднос.

– Мальчик Молина – четвертый в вашем классе. Я слышала, как Эулалия хвасталась этим в *фейринье*. *Четвертый*, как будто это хорошо. Но потом она сказала, что он четвертый, хотя и прогуливал школу. Представь, если бы он не прогуливал. – Мама пристально смотрит на меня из-за прилавка. – Ларисса Катарина Рамирес, я предупреждала тебя, чтобы ты серьезно относилась к учебе, но ты меня не слушаешь. Теперь этот парень тебе не уступит.

Теперь я меньше песчинки. Я достигла субатомного уровня.

Я оглядываюсь через плечо с горьким привкусом во рту, и о чудо, на пороге «Сахара» стоит Педро Молина с сеу Ромарио.

Я знаю, что это не его вина, но я не могу не чувствовать волну негодования из-за того, что мама всегда меня ругает, когда думает, что он учится в школе лучше меня. Не имеет значения, что другие одноклассники иногда получают более высокие оценки, чем я. Но не дай бог, это окажется Педро Молина – для мамы это равносильно концу света.

Я наблюдаю, как он пытается заинтересовать равнодушных прохожих подносом с образцами боло де басия⁴⁸, золотистая выпечка ловит отблески мигающих огоньков за его спиной. Он выглядит так, как будто у него что-то болит. Прижимает руку к пояснице, пытаюсь распрямиться, а когда думает, что никто не смотрит, сутулится, прислоняясь спиной к стене. Но сеу Ромарио тут же тычет его в ребра, и Педро быстро возвращается к стойке «смирно».

Часть моего негодования ослабевает. Хотя бы немного. Я думаю о том, что его семья тоже может быть с ним строга.

– Элиси, не будь такой строгой, – говорит донья Сельма, похлопывая меня по руке, чтобы утешить. – Она первая. Это здорово, не так ли, Лари?

⁴⁷ Saudades (португ.) – скучаю по тебе.

⁴⁸ Боло де басия (португ.) – мини-кексы на основе маниока.

Я пытаюсь улыбнуться, но чувствую себя банановой кожурой, которую бросили, на которой поскользнулись, прокляли и отшвырнули на обочину.

– Здорово, потому что я все время слежу за ней, – парирует мама. – У нее нет никаких обязанностей, кроме школы, но если я не велю ей заниматься, она просто сидит без дела. Такая ленивая. Не знаю, в кого она удалась. Ее бабушка была как тудяжка-муравей. Никогда не останавливалась. Как и прабабушка. – Она делает паузу, ее ноздри слегка раздуваются. – И ее отец тоже.

Теперь *от этих слов* больно. Мама перечислила всю семью, чтобы продемонстрировать, насколько я бесполезна?

– Я предлагала помочь тебе в «Соли», – замечаю я.

Мама хмуро смотрит на меня.

– Кто говорит о том, что ты должна работать в «Соли»? Что ты вообще можешь здесь сделать? Ты не умеешь печь.

– Если бы ты меня научила...

– Ты – *ученица!* – прерывает меня мама. – Твоя работа – учиться. Уясни себе: это – твоя единственная забота. И ты должна считать себя счастливицей, вместо того чтобы выглядеть такой несчастной! Знаешь, сколько детей твоего возраста не имеют подобной привилегии? Да у твоего собственного отца ее не было!

Не знаю, когда я успела подняться с табурета.

Но в следующее мгновение я уже выхожу на тротуар, и дверь «Соли» захлопывается за мной.

Я сижу рядом с церковью, вдали от людской суеты, рядом с *фейриньей*, где дети толпятся вокруг тележки с попкорном и чуррос⁴⁹. Если кто-нибудь застанет меня плачущей, это станет вишенкой на вершине и без того ужасного вечера...

Внутренний дворик обнесен низкой стеной, а внизу огоньки домов в этот дождливый вечер мерцают, как созвездие, спускаясь все ниже и ниже по крутым улочкам, пока не упрутся в пляж. Вид захватывает дух. Раньше это было любимое место бабушки.

Я бы хотела, чтобы она сейчас была здесь, со мной. Бабушка всегда знала, что нужно сказать. Но теперь все, что у меня есть, – это сердитые слова мамы, которые продолжают прокручиваться в моей голове. *Не знаю, в кого она удалась.*

Что ж, мам, я тоже не знаю!

Потому что я – Рамирес, которая не умеет готовить. Интересно, что это обо мне говорит. Бывают дни, как сегодня, когда я чувствую, что на самом деле именно по этой причине нам с мамой так трудно понять друг друга. Мне с ней не досталось такого опыта на кухне «Соли», какой был у нее с бабушкой. Не досталось таких переживаний, которые, я уверена, раньше были у бабушки с прабабушкой. Всего того, что создает и укрепляет связь между нами, женщинами Рамирес.

Сейчас больше, чем когда-либо, мне нужна мама. И мне хочется думать, что я ей тоже нужна, даже если она слишком горда, чтобы это признать.

Еще одна волна слез стекает по моим щекам.

Ветер усиливается, и мои волосы развеваются во все стороны. Ветер шевелит ленты, украшающие боковую часть церкви Святого Иоанна, и несколько лент отрываются и летят, бороздя воздушный поток.

Я провожаю одну из них взглядом, а она озорно обвивается вокруг лодыжки какого-то туриста. Он слегка встряхивает ногой, и ленточка снова срывается в полет. Когда он смотрит на меня, я, задыхаясь, понимаю, что это не турист. Это Педро.

⁴⁹ Чуррос – сладкая обжаренная выпечка из заварного теста, имеющая в сечении вид многоконечной звезды.

Я быстро вытираю руками лицо и встаю, чтобы уйти. Вся моя кровь словно вскипает.

– Что тебе нужно? – говорю я, не утруждая себя тем, чтобы скрыть свой гнев. – Зачем ты ходишь за мной?!

Он выглядит немного неуверенным, и я знаю, что он видел, как я плакала. Я вижу, как он хмурится, не находя слов, раздумывает над ситуацией, чтобы придумать лучший способ еще больше испортить мне настроение.

– Я слышал, у тебя какой-то договор с Пиментель, – говорит он, скрещивая руки на груди. – Чтобы помочь нашим одноклассникам, если ты вступишь в мой клуб. Это правда?

Я повторяю его позу.

– И что, если так?

Мы участвуем в этом состязании в гляделки дольше, чем мне бы хотелось.

Педро вздыхает.

– Ларисса, у меня был долгий день, поэтому я действительно не хочу тратить вечер на ссору с тобой. Мои друзья сказали мне, что ты им не поверила, поэтому я просто зашел, чтобы сообщить тебе как президент кулинарного клуба: ты можешь к нам присоединиться.

– Что?

Он все так же неловко пожимает плечами, как будто сам пытается заставить себя поверить в собственные слова.

– Я не собираюсь становиться причиной того, что кто-то провалит занятия у Пиментель. Так что... давай, вступишь в клуб. Просто держись от меня подальше, ладно?

Он кивает мне и уходит, направляясь обратно в «Сахар».

– Держись от меня подальше! – кричу я в его удаляющуюся спину.

Мои руки покрываются гусиной кожей, и я понимаю, что это не только из-за ветра. Это могло бы стать решением моих проблем с мамой. В клубе я действительно могу научиться готовить. Однажды я могла бы удивить маму и показать ей, что могу помогать в «Соли», не создавая новых проблем. Мое умение готовить могло бы стать настоящим мостом между нами.

Единственная проблема – это Педро.

Я не могу позволить ему узнать, что я на самом деле не умею готовить. Но если мы будем держаться друг от друга подальше, насколько трудно будет скрывать мой секрет?

16

ПОНЕДЕЛЬНИК, 2 МАЯ

– Опаздываешь, – обвиняюще бросает мне Педро, едва я захожу в кухню кафетерия. Вот тебе и «держись подальше» ...

Остальные при виде меня взволнованно поднимают глаза, но Педро тут же прикрикивает, чтобы они возвращались к работе.

– Что происходит? – спрашиваю я Синтию, которая с ошеломленным видом проходит мимо меня, выходя из кухни с картонными коробками в руках. Виктор следует за ней по пятам, неся высокую стопку, которая так и норовит потерять равновесие. Я поправляю его коробки как раз вовремя, и он одаривает меня улыбкой, от которой у меня мурашки бегут по коже.

– Мы несем это к велосипедам, – говорит она из кафетерия.

– К велосипедам?

У Синтии нет времени объяснять. Я разворачиваюсь, чтобы пойти за всеми, но Пэ-Эс хватается меня за плечи.

– Можешь присмотреть за сковородкой бригадейро? – Он с абсолютно безумным видом кивает на плиту позади меня. – И еще, добро пожаловать! – весело добавляет он, выходя.

В оцепенении я ковыляю к плите.

– Я... могу, – отвечаю я пустой кухне, и я ненавижу, как неуверенно это звучит.

Я смотрю на бурлящую смесь для бригадейро.

Шоколадную пасту можно ложкой съесть горячей прямо со сковороды. Из нее можно накрутить трюфелей и покрыть их обсыпкой. Ее также можно использовать в качестве глазури на торте. Но мы не продаем в «Соли» бригадейро – в нашем районе это рецепт «Сахара», – поэтому я чувствую, что мне вообще не следует находиться рядом.

Я смотрю на пустые банки из-под сладкого сгущенного молока на прилавке и начинаю учащенно дышать.

Оглядываюсь через плечо, ожидая, что Педро вернется на кухню и накричит на меня. Но он ушел к велосипедам вместе с остальными, несущими коробки. Я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить мысли. Не то чтобы мне нужно это готовить. Пэ-Эс просто попросил меня присмотреть. Думаю, это нормально. Я не нарушаю десятилетний договор.

Это просто... бригадейро.

Бурление усиливается.

«Деревянная ложка», – говорю я себе, вспоминая, что сказала мама в тот вечер в «Соли». Начинаю помешивать. И внезапно останавливаюсь. Что, если я не должна это мешать? Бульканье усиливается, как будто смесь отвечает на мой вопрос.

Я возвращаюсь к помешиванию, и бригадейро замолкает, словно умиротворившись.

Пот уже стекает у меня по спине. Насколько тяжело присматривать за бригадейро? Я вспоминаю о маминной яичнице-болтунье и о том, что да, трудно не дать еде подгореть. В панике я вытаскиваю из кармана телефон и ищу советы о том, как узнать, что смесь для бригадейро готова.

«...Когда перестанет прилипнуть ко дну сковородки», – читаю я.

А?

Как что-то может не прилипнуть ко дну сковородки, если это «что-то» – сгущенное молоко? Оно что, рассеется как облачко или что-то в этом роде? Как по волшебству?

Кухня медленно наполняется сильным ароматом шоколада.

Ликующая улыбка расплывается на моих губах. Получается. Мне удалось не испортить стряпню Пэ-Эс. Если я буду особенно осторожна, например, буду следовать инструкциям, как при решении математической задачи, думаю, я смогу приготовить эту штуку.

Сковородка внезапно шипит на меня.

Я пораженно моргаю.

Кажется, рановато я раздухарилась.

Я пытаюсь выключить плиту, но вместо этого пламя усиливается. Мне требуется всего мгновение, чтобы повернуть ручку в другую сторону, чтобы уменьшить температуру, но уже слишком поздно. Смесь для бригаейро, прилипнув к стенкам сковороды, начинает чернеть и покрываться трещинами, и сколько бы я ни скребла ее ложкой, к прекрасному шоколадному аромату добавляется запах горелого.

Я в панике смотрю на дверь, молясь, чтобы Пэ-Эс вернулся. Мое сердце бьется в такт с музыкой, которую он оставил играть в фоновом режиме, и я помешиваю быстрее, пытаюсь отлепить смесь или что там еще означает «отлепить», прежде чем все это подгорит.

Я выключаю плиту, хотя и не уверена, готово это блюдо или нет, и беру тарелку, чтобы начать перекладывать булькающую, плюющуюся смесь для бригаейро, пока я не испортила все окончательно. Но сковородка тяжелая, а я ненадежно ухватилась за ручку левой рукой. Запястье начинает сводить судорога.

В правой руке я держу тарелку, которая становится все более горячей из-за дымящейся смеси бригаейро, которую я в нее выкладываю.

Я ставлю сковородку на плиту и в отчаянии поворачиваюсь, чтобы поставить тарелку на стол, из-за чего немного бригаейро проливается мне на руку. Я чертыхаюсь от внезапной боли и инстинктивно выпускаю из пальцев тарелку.

И смотрю, как она падает, как в замедленной съемке, и разбивается у моих ног. Бригаейро разлетается *в разные стороны*.

Мое зрение затуманивается от слез. Я устроила полную катастрофу!

Я поворачиваюсь, чтобы взять тряпку, но натыкаюсь бедром на ручку кастрюли, сдвигая ее в сторону, и оставшийся бригаейро выплескивается на горячую конфорку, пузырятся и дымясь.

– О господи!

Сдерживая слезы, я опускаюсь на колени, чтобы вытереть пол тряпкой, прежде чем вернуться остальные. Моя рука пульсирует и покраснела, но я не обращаю внимания на боль.

– *Что случилось?* – возникает из-за прилавка Педро. Я и не заметила, как он вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.